

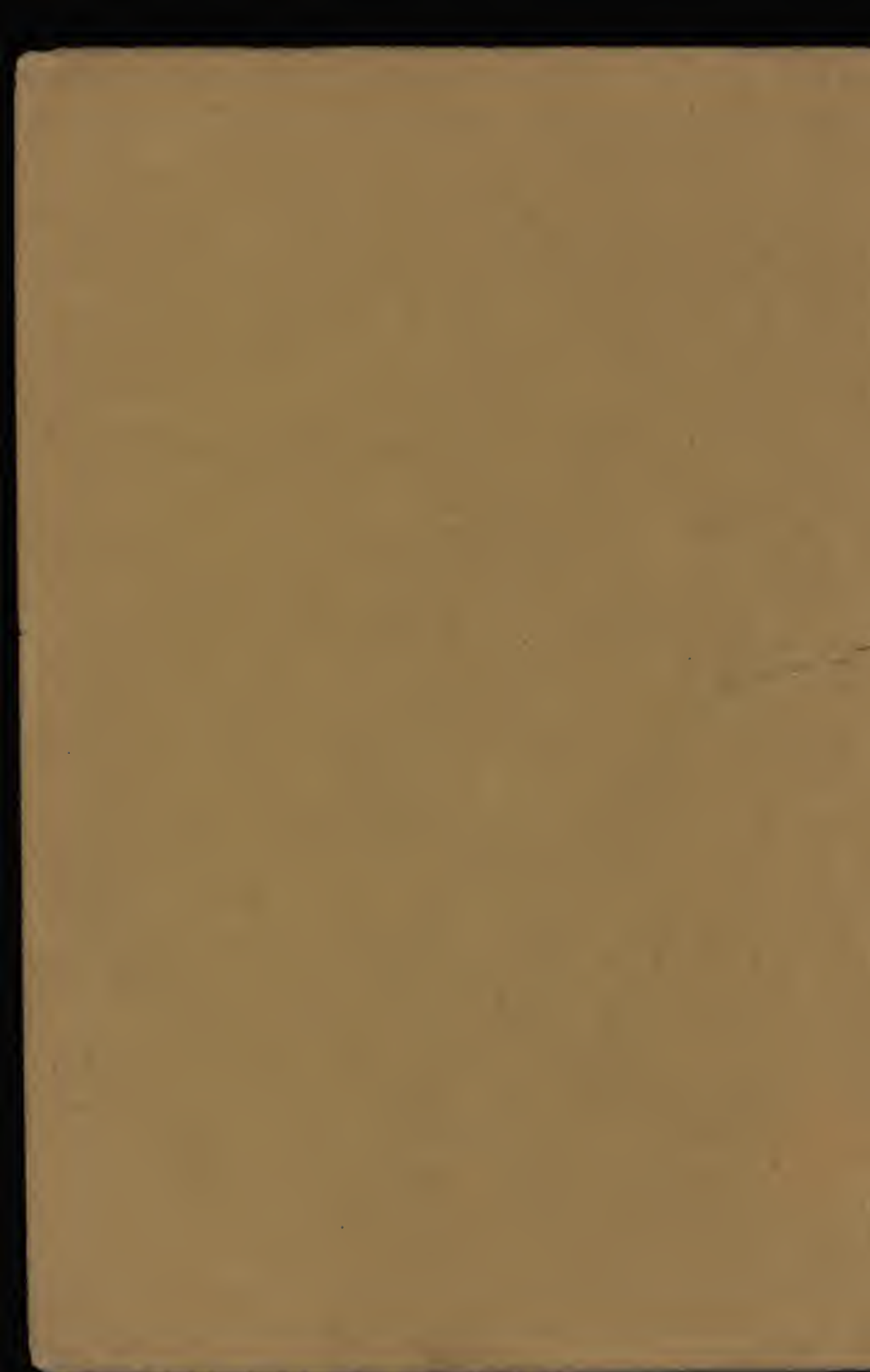
№ 1, Том

КАРЛЪ ГУЦКОВЪ.

УРИЕЛЬ АКОСТА; ТРАГЕДІЯ
ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПЕРЕВ. СЪ НѢМЕЦК.
ПЕТРА ВЕЙНБЕРГА.

ИЗДАНИЕ
С. СКИРМУНТА.

КАРЛЪ ГУЦКОВЪ.

УРИЕЛЬ АКОСТА; ТРАГЕДІЯ
ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПЕРЕВ. СЪ НѢМЕЦК.
ПЕТРА ВЕЙНБЕРГА.

ИЗДАНИЕ
С. СКИРМУНТА.

Дозволено цензурсю. С.-Петербургъ, 30 Мая 1905 г.

Типо-литографія Б. М. Вольфа. Разъѣзжая, 15.

УРІЕЛЬ АКОСТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Манассе Вандерстратенъ, богатый амстердамскій купецъ.

Юдифь, его дочь.

Бенъ-Юхан, ея женихъ.

Де-Сильва, докторъ, ея дядя.

Бенъ-Акиба, раввинъ.

Уріель Акоста.

Эсфирь, его мать.

Рувимъ } его братья.

Юэль }

Барухъ Спиноза, ребенокъ.

Де-Сантосъ, } раввины.

Ванъ-деръ-Эмбденъ, }

Служка синагоги.

Симонъ, слуга Манассе.

Слуга Сильвы.

Гости, народъ и пр.

Дѣйствіе въ Амстердамѣ, въ 1640 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ де-Сильвы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Де-Сильва и Бенъ-Иохан.

Де-Сильва

(отворяя среднюю дверь и впуская впередъ себя Бенъ-Иохан).

Такъ вы опять надѣетесь уйти
Изъ рукъ моихъ! Ну, нѣтъ! Коли ужъ только
Разъ мой порогъ переступили вы,
Такъ за него вамъ не уйти, Иохан!..
Простите мнѣ, что васъ такъ долго ждать
Заставилъ я... Вы знаете, какое
Проклятое занятіе — врача!
Ну, здравствуйте! И такъ, вы снова съ нами
Отъ всей души привѣтствую!

И о х а н.

А я

Отъ всей души благодарю, де-Сильва.

Сильва.

И какъ-же вы перемѣнились! Да,
Совсѣмъ не тотъ, какимъ назадъ два года
Уѣхали! Подъ чужеземнымъ солнцемъ
Какъ быстро вы созрѣли! Да, вотъ здѣсь,
Здѣсь именно на этомъ самомъ мѣстѣ,
Прощальный поцѣлуй напечатлѣлъ
Я на челѣ у юноши, лишенномъ
Морщиночки малѣйшей,—а теперь
Передо мной серьезный мужъ! И вижу
Я на челѣ его слѣды заботъ,
Серьезныхъ думъ... Скажите, Бенъ-Иохаи,
Отечество второе неужли
Васъ встрѣтило, какъ мачиха?

Иохаи.

Напротивъ,

Я Амстердамъ нашель такимъ, какимъ
Оставиль. Духъ свободнаго гражданства,
Какъ и тогда, въ немъ бодръ и крѣпокъ. Онъ
Въ страданіяхъ, испытанныхъ подъ гнетомъ
Испаніи, утѣшился своею
Блестательной торговлей; но среди
Своихъ богатствъ, весь оглушенный шумомъ
На улицахъ и въ гаваняхъ своихъ,
Средь гордости свободою, добытой
Безъ помощи чужой—онъ, несмотря
На это все, съ такимъ-же братскимъ чувствомъ,
Съ такою-же терпимостью глядитъ
На насъ, сыновъ Израиля...

Сильва.

Торговля

Чтить золото, которое усилъ
Народъ нашъ скрыть отъ взоровъ Германдада,
Когда сюда бѣжалъ онъ отъ своихъ
Гонителей испанцевъ, португальцевъ.
А если бы на это дѣло вы
Взглянуть еще поглубже захотѣли,
То поняли бъ, что здѣсь глядятъ на насъ
Такъ дружески по двумъ причинамъ... Смѣйтесь,
Юхאי! Да, вашъ Сильва все еще
Старается въ научную систему
То приводить, чтó разъяснить ему
Хотѣлось бы...

Ю х а и.

(съ принужденной улыбкой, протягивая ему руку.)

И въ этомъ перемѣны
Не вижу я. Де-Сильва, врачъ, знатокъ
Природы всей, краса науки здѣшней
И—чѣмъ мы такъ гордимся и за что
Благодаримъ—учитель нашъ почтенный,
Не позабыть еще своихъ методъ
Профессорскихъ...

Сильва.

И благо всѣмъ, кто помнить
Значеніе системы. Въ этомъ я
Держусь того, чтó намъ и Аристотель
Давно сказалъ. Онъ тоже...

Г о х а и.

О свреяхъ

Вы начали...

С и л ь в а.

Да, да! И такъ, когда
Голландская республика насъ терпитъ,
Не гонитъ такъ, какъ гонять насъ вездѣ
Въ другихъ странахъ—на Рейнѣ, на Дунаѣ,
Въ Испаніи—то этому, какъ я
Могу понять, причины двѣ. Во первыхъ,
Такой народъ, какъ здѣшній, то есть, тотъ
Который чтитъ библейское писанье
И черпаетъ религію свою
Изъ перваго источника, не можетъ
Не чтить и насъ—насъ, въ мрачные вѣка
Язычества, хранившихъ откровенье
Единого создателя міровъ,
Какъ вѣчную лампаду, насъ, потомковъ
Того царя, изъ племени чьего
Произошелъ ихъ собственный Спаситель.
А во вторыхъ, за насъ ходатай—кровь,
Родившая свободу молодую
Республики голландской; тотъ народъ,
Что на себѣ извѣдалъ муки рабства,
Не станеть гнать, давить другихъ людей
Изъ-за слѣпыхъ и глупыхъ предрасудковъ.
Голландія создала изъ цѣпей
Мечи себѣ, а изъ мечей, побѣдой
Увѣнчанныхъ, приняться вновь ковать

Такія-же оковы для страдальцевъ
Чужой земли — на это никогда
Народъ прямой и честный не рѣшится.
Вотъ двѣ моихъ причины. И вполне
Увѣренъ я, что за границей наши
Всѣ земляки завидовали вамъ,
Узнавъ, что вы собрались снова ѣхать
Сюда, домой.

И о х а и.

Я самъ считать себя
Счастливымъ. Да, съ душой, надежды полной,
Спустился я съ высокихъ, чуждыхъ горъ,
И между тѣмъ, какъ мой корабль лѣтнво
Каналомъ плыль, я на досугѣ сталь...

Сильва (*перебивая его*).

Съ отрадою мечтать о томъ свиданѣ,
Чтò ждало васъ? Вамъ видѣлось уже,
Какъ шла Юдифъ на встрѣчу вамъ, не вѣря
Своимъ глазамъ, какъ съ нѣжностью она
Бросалася въ объятія къ другу сердца
И жениху? Не правда ли? Вѣдь вы
Навѣрное ужъ были у Манассе?
Вы видѣлись?..

И о х а и.

Позвольте мнѣ присѣсть (*садится*).

Сильва.

Что съ вами, другъ!.. Мнѣ странно... Вы какъ будто

Изнемогли... Какъ будто бы печаль
Васъ тяготить... Скажите, что случилось?

И о х а н.

Три дня меня на виллѣ у себя
Манассе принималъ, съ своимъ обычнымъ
Радушиемъ...

Сильва.

Ну, а Юдифь? Она,
Которая была ужъ въ колыбели
Невѣстой вамъ назначена? Она,
Которая ужъ колыбельной пѣснью
Кормилицы вамъ отдана была?
Она—любовь, она—царица ваша?
Какой пѣтокъ! Да, восхвалять ее
Я не стыжусь, хоть дочь она родная
Моей сестры...

И о х а н.

Ужъ въ колыбели!.. О,
Де-Сильва!.. Мнѣ... мнѣ кажется... что ваша
Племянница... нарушила обѣтъ...

Сильва.

Какъ?

И о х а н.

Въ нѣсколькихъ словахъ вамъ расскажу я,
Что видѣлъ самъ. Меня Манассе встрѣтилъ
Съ горячею любовью; сыномъ онъ

Меня назвавь и говоришь съ восторгомъ
О вѣрности Юдифи. Вслѣдъ затѣмъ
Расплылся онъ въ разказахъ о постройкахъ
Своихъ чудныхъ, о паркѣ дорогомъ,
О храмикахъ, о мраморныхъ статуяхъ,
Что для него, по древнимъ образцамъ,
Флоренція и Римъ изготовляють,
О Рубенсъ и Дикъ, о тѣняхъ,
Игрѣ цвѣтовъ, законахъ перспективы...
Ну, да вѣдь вамъ извѣстно, какъ привыкъ
Онъ золотить Мидасовой рукою
Все, до чего ни прикоснется...

Сильва (въ сторону)

Да,

Хоть тутъ не разъ на мѣсто позолоты
Увидишь мѣдь...

Иохаи.

Вы говорите?...

Сильва.

Нѣтъ,
Я ничего... Разсчитываешь я только,
Что чистый вѣсъ составилъ бы въ такой
Мидасовой рукѣ?.. Его затѣи
Мнѣ далеко не по сердцу...

Иохаи.

Да ихъ

Не очень-то и биржа одобряетъ...

Но пусть его! Мнѣ, видѣвшему въ Римѣ,
Неаполѣ, Парижѣ образцы
Всего того, что на лугахъ голландскихъ
Такъ тщится онъ, бѣднякъ, воспроизвестъ—
Мнѣ эти всѣ затѣйливые храмы
Понравились бы очень, появивсь
Ихъ божество. И я искалъ Юдифи.
Сжигаемый томленіемъ любви,
Я пробѣгалъ по всѣмъ аллеямъ парка
И... послѣ двухъ... двухъ лѣтъ разлуки... я
Нашелъ ее—не одинокой (*встаетъ*). Въ гротѣ
Изъ раковинъ, укутанномъ плющемъ
И дикими лозами, рядомъ съ нею
Сидѣлъ... сидѣлъ мнѣ чуждый человѣкъ.
Огромная пергаментная книга
Передъ четой безмолвной, на столѣ
Раскрытою лежала... Я поближе
Къ нимъ подошелъ... Юдифь взглянула такъ,
Какъ будто бы хотѣла строгимъ взоромъ
Спросить: „Какъ смѣлъ, неосвященный, ты
Вступить въ мой храмъ?“ Но вотъ она узнала,
Кто этотъ гость—и съ ложью на лицѣ,
Съ какимъ-то неподвижнымъ взглядомъ, руку
Мнѣ подала холодную какъ ледь.
Мой ротъ молчалъ, но въ томъ молчаньи ясно
Звучалъ вопросъ: „Кто это?“—и Юдифь:
„Учитель мой“, отвѣтила мнѣ гордо,
Восторженно; и, вслѣдъ затѣмъ, ему
Беззвучно такъ, такъ глухо прошептала:
„Вотъ мой женихъ!“ Онъ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ
И отошелъ... А я, ошеломленный,

Подавленный, рѣшился лишь тогда
Объ имени спросить...

Сильва.

Урьель Акоста

Его зовутъ.

Ю х а и.

А! Не дивлюся я,

Что вамъ оно извѣстно тоже... Рѣчи
Прислуги всей, Манассе робкій взглядъ,
Статуи всѣ въ его саду—все ясно
Сказало мнѣ, что я пашель Юдифь—
Измѣнницей...

Сильва.

Глубоко, Бенъ-Юхан,

Я изумленъ. Конечно, все, что вы
Сказали мнѣ, могло вамъ показаться
На первый взглядъ весьма зловѣщимъ... Но,
Повѣрьте мнѣ, на самомъ дѣлѣ очень
Ошиблись вы. Ея холодность къ вамъ
Не есть любовь къ Акостѣ. Какъ все это
Созрѣло, я, живой свидѣтель, вамъ
Могу сказать. Межъ тѣмъ, какъ за границу
Вы ѣздили, мыслитель молодой
Вдругъ прогремѣлъ повсюду громкой славой
Хотя, по мнѣ, онъ только человѣкъ
Съ блистательнымъ умомъ, но не философъ.
Какъ пишетъ онъ—цѣню высоко я;
Что пишетъ онъ—то не считаю мудрымъ,
На языкѣ его до этихъ поръ

Еще звучитъ Опорто милой говоръ;
До этихъ поръ еще такъ чисто онъ,
Изящно такъ по португальски пишетъ,
Какъ будто бы еще вчера онъ жилъ
На берегахъ плѣнительнаго Таго.
Но не лежитъ его душа къ сынамъ
Израиля; къ преданьямъ ихъ священнымъ
Онъ холоденъ; въ купинѣ Божіи ликъ
Ему еще ни разу не являлся!
Нельзя сказать, чтобы чуждался онъ
Соотчичей своихъ; но синагогу
Не чествуетъ совѣмъ; полу-еврей,
Полу-христіанинъ, паритъ онъ вѣчно
Въ мечтаніяхъ бесплодныхъ; на престолъ
Религій возводитъ онъ сомнѣнье...
И такъ-то вотъ, случайно онъ попалъ
Къ Манассе въ домъ и дочь его опуталъ
Со всѣхъ сторонъ; но то не сѣтъ любви;
Повѣрьте мнѣ, тутъ дѣйствуетъ лишь разумъ,
Мышленіе, которымъ въ мозгъ ея
Онъ такъ проникъ, что дѣвушка считаетъ
Теперь себя и лучше, и умнѣй
Другихъ людей, и свысока, съ презрѣньемъ
Глядитъ на все житейское. Ее
Такою взять вамъ надобно, какою
Она себя вамъ отдаетъ; а тамъ,
Когда она опять ужъ будетъ ваша—
Измѣнится, повѣрьте мнѣ.

Іо х а и.

Любовь

И чувство удивленія—у женщинъ

Одно и то-жь. Чѣмъ выше удивленье,
Тѣмъ и любовь сильнѣе. Ни за что
Я не хочу стоять въ тѣни другого,
Хотя бѣ его и вывела на свѣтъ
Блистательная слава!.. Вандерстратенъ
Совсѣмъ пустой и слабый человѣкъ,
А вы—душа семейнаго совѣта.
Ступайте же туда! Зовите всѣхъ,
Племянниковъ, племянницъ, дядей, братьевъ,
Представьте тамъ Акосту всей роднѣ.
Какъ будущаго зятя...

Сильва.

Бенъ-Юхан!

Опомнитесь!..

Юхан.

Коль онъ дороже вамъ,
Чѣмъ родственникъ, такъ поскорѣй берите
Его къ себѣ...

Сильва.

Въ умѣ ли вы, мой сынъ?
Вѣдь о моемъ врагѣ вы говорите...

Юхан.

Врагъ?

Сильва.

Врагамъ своимъ я никогда
Дурного не желаю, даже часто
Хорошее желаю. Но чтобъ я
Самъ, собственной рукой, ковалъ имъ счастье,

Да чтобъ еще, вдобавокъ, и въ родню
Ихъ брать къ себѣ—идтъ, этого не будетъ.
Еще падняхъ здѣсь вышелъ въ свѣтъ трактатъ,
Въ которомъ Уриель, путемъ софизмовъ,
Опровергать старается все то,
Что нѣкогда я самъ писалъ о разныхъ
Вопросахъ богословскихъ. Да, онъ былъ
Мой ученикъ—и вотъ въ борьбу вступаетъ
Съ учителемъ! Трактатомъ этимъ онъ
Связь разорвалъ съ своимъ пародомъ, съ вѣрой
Своихъ отцовъ и, значить, и со мной.

Ю х а и.

Такъ станемте жъ работать вмѣстѣ, Сильва!
Манассе дочь люблю я; это я
Почувствовалъ еще сильнѣй и жгучѣй,
Когда ее увидѣлъ, возвратясь.
Но облако, стоящее межъ нею
И счастьемъ моимъ, должно скорѣй
Разсѣяться; а я, какъ подаянья,
Просить у ней объ этомъ не рѣшусь
Самъ никогда. Хотите вы, де-Сильва,
Явиться передъ нею толмачомъ
Моей души—прекрасно. Благородный
И гордый духъ не станетъ никогда
Самъ за себя просить... Уже стемнѣло...
Идите же... Вы сами вѣдь не прочь,
Я думаю, на виллѣ у Манассе
Поотдохнуть...

Сильва

Послушайте, но мнѣ

Хотѣлось бы, чтобъ ваше подозрѣнье
Яснѣе вы мнѣ доказали... (*Входитъ слуга*).

Что?..

Зачѣмъ пришелъ?.. (*Къ Іохан*). Простите на минуту.

С л у г а.

Тамъ ученикъ какой-то вашъ—его
Лице еще мнѣ памятно—желаетъ
Вамъ слова два сказать, а такъ какъ вы,
Мнѣ помнится, всегда его любили,
То я впустилъ... (*Подходя къ двери*). Пожалуйста сюда.

ЯВЛЕНІЕ II.

Сильва, Іохан и Уріель.

І о х а н (*въ сторону*).

Онъ самъ!

С и л ь в а (*въ сторону*).

Уріель!

У р і е л ь.

Я помѣшалъ, де-Сильва?

(*Томительное молчаніе*).

С и л ь в а.

Когда пришли вы къ Сильвѣ, какъ врачу,
Пожалуйте! Врачъ долженъ и врагу
Дверь растворять всегда.

У р і е л ь.

Врагу, де-Сильва?..

Къ учителю пришелъ я: я желалъ
Проститься съ нимъ.

И о х а и (*въ сторону*).

Что слышу я? Проститься?

С и л ь в а

(*представляя Уриелю Бенъ-Иохаи*).

Знакомы вы?

У р и е л ь.

Мы съ нимъ знакомы.

И о х а и.

Я

Такъ изумлень, признаться: вы сказали,
Мнѣ кажется, что ѣдете?

У р и е л ь.

Туда,

Откуда вы вернулись, Иохаи,
Я завтра же, съ разсвѣтомъ, ѣду. Мнѣ
Желательно увидѣть свѣтъ, увидѣть,
Какъ люди тамъ, въ другихъ земляхъ, живутъ.
А такъ какъ я хотѣлъ проститься съ тѣми,
Кого любилъ, то и пришелъ теперь,
Де-Сильва, къ вамъ—и вотъ вамъ на прощанье
Протягиваю руку...

С и л ь в а (*отталкивая ее*).

Руку ту,

Что всѣ плоды моихъ трудовъ усердныхъ
Еще на дняхъ швырнула за окно,
Какъ старое, негодное лекарство?

У р и е л ь.

Де-Сильва, я уже вамъ объяснилъ,

Что я пришелъ не къ доктору, а только
Къ мыслителю. И ежели больна
Мыслительность моя, то вамъ извѣстно,
Что для больной души леченья путь
Единственный есть собственная помощь.

Сильва.

У ногъ моихъ сидѣли вы детей,
Что значить мысль—вы у меня учились,
И вотъ теперь, въ трактатѣ вашемъ, вы
На вашего учителя встаете!

Уриель.

Де-Сильва, я глубоко изумленъ.
Да развѣ *обучать* мышленью можно?
Да развѣ могутъ быть ученики
И ихъ учителя въ той высшей сферѣ
Познанія, гдѣ каждый нашъ принципъ,
Мысль каждая должны рождаться только
Въ крови у насъ, лишь силою ея,
Какъ нѣкогда цвѣтокъ въ крови Аякса.
Я свѣточемъ мышленья освѣтилъ
Догматику евреевъ, это зданье
Старинное, въ которомъ до сихъ поръ
Основою служила смѣсь традицій
Съ писаніемъ священнымъ, свѣтскихъ книгъ
Съ духовными. Я сдѣлалъ это, Сильва,
Не съ мыслию безумной отыскать
Ту истину, которую всѣ люди
Должны признать за истину—о, нѣтъ,
Нѣтъ! Лишь *мое* невѣдѣнье велѣло

Мнѣ говорить; *моя* лишь слѣпота
Велѣла мнѣ смотрѣть и видѣть; слушать
Велѣла мнѣ *моя* лишь глухота.
Да, лишь *моя*—замѣтьте это, Сильва!
Намъ только въ томъ повѣрить могутъ, въ чемъ
Увѣрены мы сами...

Сильва.

Къ христіанамъ
Вамъ лучше бы ужъ прямо перейти...

Уріель.

Де-Сильва!

Сильва.

Да, тогда Господь еврею
Простилъ бы то, что вѣру предковъ такъ
Позорить онъ! Почтеннѣйшихъ, умнѣйшихъ
Людей у насъ глубоко возмутилъ
Послѣдній вашъ трактатъ о нашей вѣрѣ.
Да. Уріель, священныя права
На общую любовь и уваженье
Имѣютъ синагога и ея
Всѣ догматы—и именно теперь,
Когда спаслись мы отъ гоненій смерти,
Теперь, когда впервые наконецъ,
Безъ всякаго стѣсненья, прославленье
Всевышняго летитъ изъ нашихъ устъ,
Какъ жертвенное пламя—неужели
Свобода молодая посвятить
Себя на то, чтобъ дерзкою рукою
Все разрушать, что столько, столько лѣтъ

Хранили мы, что въ дни тяжелыхъ бѣдствій
Еврейскаго народа, какъ скала,
Въ его груди лежало недвижно
Опорою для всѣхъ его надеждъ?
Нѣтъ, никогда! И еслибъ умъ мой смѣлый,
Пытливый мой, самодовольный умъ
Мнѣ прошепталь: „все это мертво, гнило!“—
Я и тогда, свидѣтель мнѣ Господь,
Остался бъ твердъ, я бредъ мой драгоценный
Не кинулъ бы, какъ въ счастье никогда
Не кинемъ мы слугу, который вѣрно
И преданно въ дни горя намъ служилъ!

У р і е л ь .

Что въ васъ я чту, такъ ваше сердце, Сильва!
Въ васъ и любовь рождается съ быстротой,
И ненависть. Вамъ даже заблужденья
Простительны—такъ просвѣтляете ихъ
Прекрасная душа!.. Трактатъ мой, Сильва,
Какъ вижу я, лишь пробѣжали вы;
Прочтите же его и голословно
Не вторьте вы тому, что вамъ о немъ
Разсказываютъ ваши пациенты!
Съ намѣреньемъ хорошимъ я пришелъ:
Сказать прости—не ненависти вашей,
Не шаткому философа уму,
Не вашему мышлению, въ которомъ
Не яркій свѣтъ, а только полутьма,
Вотъ, сумерки такія же, какія
Спускаются теперь на землю—нѣтъ,
Лишь съ вашими сѣдыми волосами

Проститься я по дружески пришелъ.
Прощайте же. Я чувствую, что больше
Не свидимся мы съ вами никогда!

І о х а н.

Позвольте мнѣ—хоть не былъ удостоенъ
Я вашею бесѣдой—самому
Ее начать. Быть можетъ, вамъ въ дорогѣ
Могу служить...

У р і е л ь.

Вы черезчуръ добры!

і о х а н.

Пожалуйста, скажите мнѣ... Быть можетъ,
Вы ѣдете въ Парижъ? Съ моимъ письмомъ
Откроются предъ вами двери многихъ
Большихъ домовъ... И точно также я
И въ Лондонѣ...

У р і е л ь.

На югъ я отправляюсь,
Въ Германію, быть можетъ... Гейдельбергъ
Вы знаете? Я поищу долину
Спокойную, гдѣ можно будетъ мнѣ
Вести и споръ, и разговоръ съ ручьями,
Съ цвѣточками, съ зеленою травой
И съ птицами лѣсовъ...

І о х а н (*въ сторону*).

Я отдыхаю!

С и л ь в а.

Ну, и Юдифь пускаетъ васъ?

Уріель.

Юдифь?

Что за вопрось?..

Сильва.

Она вѣдь ученица

Послушная такая вашей всей
Премудрости!

Уріель.

Теперь ужъ въ школу жизни

Она пойдетъ.

Сильва.

Да, въ лучшую изъ всѣхъ

Для женщины. У будущаго мужа
Воспитанницы вашей, Уріель,
Спросите-ка—онъ вѣрно будетъ мнѣня
Такого-же...

Уріель.

Нѣтъ, Бенъ-Юхаи, нѣтъ!

И богачу пристало научиться
Презрѣнію къ богатству. Загасите
Всѣ факелы, которые возжечь
Хотите вы на свадьбѣ въ честь невѣсты!
Не нуженъ ей богатства блескъ пустой,
Не нужны ей ни кубки золотые,
Ни серебро... Средь изобилія благъ
Въ дому отца, Юдифь узнала чувство
Отрадное—ни въ чемъ не знать нужды;
Но находить отрадное довольство

Въ самой себѣ—я научилъ ее!

(Постепенно воодушевляясь и улекаясь).

А если бы вы все-таки хотѣли
Принять ее подъ крышей золотой,
Одѣть ее во всѣ богатства міра,
Всей роскошью земною окружить—
То этого она вполнѣ достойна!
Она сошла въ земную жизнь съ небесъ,
Въ ней ничего не создано землею!
Сокровище небесное она,
Зарытое межъ вами, свѣтлый ангель,
Которому вдругъ вздумалось придти
На землю къ намъ и нашимъ притвориться.
Не трогайте ее рукою той,
Которая за нѣсколько, быть можетъ,
Еще минутъ, въ металлѣ гнусномъ рылась!
Молиться ей должны вы, подходить
Какъ къ божеству!.. О, поскорѣй отсюда!
Мысль... мысль о томъ, что остается здѣсь,
У васъ въ рукахъ, не облегчить прощанья...
О, поскорѣй!—и помощи мнѣ Богъ!

(Бросается къ дверямъ, которыя въ эту самую минуту открываются).

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Входятъ **два служителя синагоги**, съ большими
зажженными свѣчами: за ними **раввинъ Сантось**
съ книгою.

Сантось *(въ сторону).*

Акоста? Здѣсь?

Сильва (*въ сторону*).

Раввинъ!

Юхан (*въ сторону*).

Что это значить?

Санто съ.

Побудьте здѣсь, Акоста, пять минутъ,
Чтобъ самому услышать, съ порученьемъ
Какимъ пришелъ я къ Сильвѣ...

Сильва.

Съ порученьемъ?

Ко мнѣ, раввинъ?.. И эти свѣчи...

Санто съ.

Вы

Удивлены? Еще не ночь—а свѣчи
Уже въ рукахъ? Узнайте жъ, эти свѣчи
При свѣтѣ дня—Акосты гордый умъ,
Что хочетъ быть свѣтлѣе Откровенья!

Уриель.

И такъ, раввинъ—что долженъ я отъ васъ
Услышать здѣсь?

Санто съ.

Де-Сильва, синагога

Прислала къ вамъ вотъ эту книгу—къ вамъ,
Какъ знатоку глубокому и вѣры,
И всѣхъ святыхъ источниковъ ея.
Васъ проситъ синагога—эту книгу

Изслѣдовать по совѣсти; но судъ
Произносить не съ точки философской;
Нѣтъ, только вы изслѣдовать должны,
Согласна ли она съ еврействомъ чистымъ
И можетъ ли дерзнувшій написать
Такой трактатъ, считаться межъ сынами
Иакова, надежду возлагать
На вѣчное спасенье?..

Сильва.

Принимаю
Съ почтительной признательностью честь
Высокую...

Сантосъ.

Коль точно эти свѣчи—
Душа того, кто авторъ книги, то
Желаешь знать святая синагога,
Возможно ли позволить, чтобъ она
Нечистый свѣтъ лила средь океана
Свѣтильниковъ чистѣйшихъ? Вотъ она.
Совѣту Трехъ угодно чрезъ недѣлю
Вашъ приговоръ услышать. А теперь
Я попрошу роспиской въ полученъѣ
Меня снабдить.

(Отдаетъ книгу Сильвѣ, который раскрываетъ ее и съ испугомъ видитъ, что это—сочиненіе Акости).

Уриель.

Ну, что жъ, де Сильва? Чтѣ
Смутило васъ? Скажите откровенно—
Вѣдь это мнѣ слѣпой вашъ фанатизмъ

Грозить теперь уничтоженьемъ свѣта
Моей души?..

Сильва.

Да, обвиненный—вы...

Вы, Уріель...

Сантосъ.

Я слышу тонъ участья
И жалости?.. Де-Сильва, эта книга
Должна для васъ быть только книгой; авторъ
Вамъ незнакомъ.

Сильва.

Раввинъ почтенный, вотъ
Росписка въ томъ, что это порученье
Прискорбное и важное отъ васъ
Я получилъ... Акоста! Трепетъ страха
Объемлетъ насъ, когда вручаетъ Богъ
Бразды судьбы, но не чужой, а *нашей*,
Самимъ же намъ и дѣлаетъ изъ насъ
Рѣшителей и собственнаго счастья,
И собственныхъ несчастій... Каково жъ,
Подумайте, тому, кто сталъ судьбою
Чужой судьбы, кого избралъ Господь
Рѣшителемъ *чужого* назначенья!..
Мнѣ очень жаль, Акоста, что вполнѣ
Я вѣрую въ призванье свыше—часто
Господній перстъ усматриваю въ томъ,
Что человѣкъ велитъ мнѣ... Эту книгу
Мнѣ мой народъ прислалъ—и я ее
Изслѣдую по Торѣ и Талмуду.

(Уходитъ; за нимъ слѣдуютъ Сантосъ и слуги).

Ю х а и.

Вы смущены, Акоста? Чтò же такъ
Тревожить васъ? Вѣдь вы рѣшились ѣхать;
Такъ пусть они тутъ осуждаютъ васъ—
Вамъ все равно. Когда другіе люди,
Обычаи другіе примутъ васъ
Въ свою среду—какое бы рѣшенье
Отсюда вамъ ни возвѣстили—все
Покажется вамъ басенкой пустою...
Прощайте же, счастливаго пути! (*Уходитъ*).

У р і е л ь.

Ты думаешь, что и теперь, въ угоду
Тебѣ, уйду я въ дальніе края?
Ты думаешь, что если малодушно
Рѣшился я избавить и Юдифъ,
И самага себя отъ битвы сердца,
То и теперь трусливо побѣгу
Предъ битвою ума?.. О, нѣтъ, Юхаи,
Ошибся ты! Кто ратовать готовъ
За истину, тотъ не попретъ ногами
Прекраснѣйшихъ лучей въ ея вѣнцѣ—
Огня борьбы, который возжигаетъ
Въ насъ истина... Бѣжать теперь? О, нѣтъ!
Останусь я, хотя бь разбилось сердце! (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ на виллѣ Манассе. Въ задней части сцены эстрада,
на которую ведетъ нѣсколько ступенекъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Манассе (читаетъ бумагу) и **Симонъ**.

Манассе.

Не можетъ быть! Никакъ не можетъ быть,
Чтобъ онъ пришелъ!.. Де-Сильва, Бенъ-Юхайд,
Де-Кастро, ванъ-деръ-Эмбденъ—это все,
Какъ слѣдуетъ... Но это, это имя...

Симонъ.

Въ число гостей вписала ваша дочь.

Манассе.

Не можетъ быть! Она не знаетъ развѣ
Его бѣды?

Симонъ.

Вотъ и сама она;
Вы можете спросить ее объ этомъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Манассе и Юдифь.

Ю д и ф ь.

Ну, наконецъ! Какъ можно оставлять
Такъ долго насъ? Давно ужъ вамъ пора бы
Въ своемъ саду, подъ крышею родной,
Стряхнуть съ себя пыль амстердамской биржи!

М а н а с с е.

Что изъ того, когда меня и здѣсь
Привѣтствуютъ заботы?

Ю д и ф ь.

Развѣ праздникъ
Я здѣсь не такъ устроила, какъ вы
Устраивать его въ концѣ недѣли
Имѣете привычку? Развѣ я
Не позвала гостей обычныхъ вашихъ?

М а н а с с е.

Какъ ты могла Акосту пригласить?

Ю д и ф ь.

Онъ не былъ здѣсь ужъ цѣлую недѣлю!

М а н а с с е.

Да развѣ я тебѣ не написалъ,
Что ждетъ его проклятье синагоги?

Ю д и ф ь.

Вотъ именно поэтому его
Я позвала.

М а н а с с е.

Межъ тѣмъ, какъ остальные
Его бѣгутъ...

Ю д и ф ь.

Я только потому
Ищу его.

М а н а с с е.

Онъ не придетъ, надѣюсь,
Сообразивъ, что если этотъ зовъ
Произвела простая деликатность,
То вдвое деликатнѣе ему
Не слѣдовать...

Ю д и ф ь.

Съ какихъ же поръ Манассе
Такъ набоженъ? Съ какихъ же это поръ
Другъ Рубенса, Ванъ-Дика синагогу
Такъ слѣпо читить? (*Указывая на статуи, стоящія въ саду*).

Статуи эти всѣ

Пророкъ Илья и прочіе пророки
Разрушили бѣ, конечно, потому,
Что ихъ законъ еврейскій отвергаетъ!
Не вѣрю я, чтобъ не хватило въ васъ
И мужества, и силы—вмѣсто красокъ
И мрамора, брать подъ свою защиту
Живыхъ людей!

Манассе.

Я здѣсь извѣстенъ всѣмъ
Какъ человѣкъ, свободно говорящій
И мыслящій, и я горжуся тѣмъ,
Что въ судный день*), въ одеждѣ покаянья
Еще никто Манассе не встрѣчалъ.
Врагъ всякой лжи, давно ужъ я открыто
Принадлежу къ всеобщей вѣрѣ тѣхъ
Мыслителей свободныхъ, для которыхъ
Главнѣйшая задача—черпать все
Хорошее изъ лучшаго въ ученьяхъ
Сократовомъ, Мойсеевомъ, Христа.
Но тамъ, Юдифъ, гдѣ начинаютъ преня
Озлобленно взрывать и пыль, и прахъ
Изъ-за пустыхъ и старыхъ предразсудковъ,
Лежащихъ искони на массѣ всей—
Тамъ я—слуга господствующей вѣры
И не могу враждебно презирать
Обязанности внѣшнія...

Юдифъ.

Художникъ
Въ почетѣ здѣсь, мыслителя—бѣгутъ
Съ трусливымъ малодушьемъ!..

Манассе.

Нынче слухи
Ко мнѣ, Юдифъ, доходятъ, будто ты—
Секретная причина уваженья

*) Главный еврейскій постъ.

Акости къ намъ... Двѣ вещи, дочь моя,
Мнѣ дороги особенно. Во первыхъ,
Мой мирный домъ, домашнее мое
Спокойствіе, и счастье, и довольство.
А во вторыхъ, тотъ голосъ, чтѣ зовутъ:
„Народа гласъ“; входитъ въ его оцѣнку
Я не хочу; онъ *есть*—и я ему
Покорно повинуюсь.

Ю д и ф ъ.

Значить, въ жизни
Художество и правда не идутъ
Однимъ путемъ!

М а н а с с е.

Неумолимо строги
Всѣ требованья жизни и ея
Обычаевъ. По нашему закону
Съ Юхаи ты давно обручена,
И потому, Юдифь, необходимо,
Чтобъ рядомъ съ нимъ явилась ты въ кругу
Своихъ родныхъ...

Ю д и ф ъ.

И... батюшка... вся эта
Комедія...

М а н а с с е.

Сегодня же...

Ю д и ф ъ.

Отець!

Манассе.

Юдифь моя, я знаю, что Иохан
В твоихъ глазахъ не тотъ женихъ, какой
Является невѣстѣ въ Пѣснѣ Пѣсенъ.
Но... требованья жизни, дочь моя!
Передъ людьми должны вы появиться
Рука съ рукой, какъ нѣжная чета,—
А тамъ ужъ вы сводите ваши счета
Наединѣ, сердцами...

Ю д и ф ь.

И сводить,
По вашему, легко ихъ точно такъ же,
Какъ вы итогъ подводите своимъ
Торговымъ операціямъ?

Манассе.

Довольно!
На празднествѣ сегодня Уриель
Не долженъ быть. Юдифь, весьма серьезно
Я говорю. Не разсерди меня!
Ты знаешь вѣдь—препятствій слишкомъ важныхъ
Я на своей дорогѣ не люблю.

(Уходитъ на террасу).

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Ю д и ф ь. *(одна).*

О, практика житейская, которой
Я не могу ни разумомъ понять,
Ни чувствами души моею постигнуть!..
О, Боже мой! Безстыдно лгать лицомъ,

Играть въ любовь предъ тѣмъ, кто ненавистенъ,
И ненависть выказывать къ тому,
Кто пламенно любимъ!.. Идетъ... Я слышу
Его шаги... Ужь отворяетъ дверь...
Ужь быстрыми шагами по аллеѣ
Идетъ ко мнѣ... Мои цвѣты ему
Привѣтливо киваютъ... Неужели
Я дочью холодною отца
Холоднаго останусь? Чтѣ мѣшаетъ
Мнѣ горячо прижать его къ груди,
Сказать ему въ блаженномъ упоеньѣ,
Какъ глубоко, какъ свято я люблю?
Нѣтъ, на душѣ оковы малодушья
Еще лежать... Нѣтъ, видно, для того,
Чтобъ пріобрѣсть себѣ святое право—
Разрушить разногласье между тѣмъ,
Чтѣ говорятъ глаза и шепчетъ сердце,
Чтѣ шепчетъ взоръ и произноситъ ротъ—
Необходимъ поступокъ гордый, смѣлый,
Передъ лицомъ людей... Я ничего
Не сдѣлала еще... и я не смѣю...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Уріель и Юдифь.

У р і е л ь .

Мой другъ, сюда я потому пришелъ,
Что этого желали вы; надѣюсь
Не встрѣтить здѣсь чужихъ...

Ю д и ф ь.

Лишь потому,
Что я того желала, вы явились?
Гдѣ жъ были вы все это время? Чѣмъ
Я васъ бѣжать заставила?.. О, Боже!
Чего, чего ужаснаго ко мнѣ
За эти дни молва не приносила!

У р і е л ь.

О диспутѣ съ раввинами?..

Ю д и ф ь.

Что мнѣ
До диспута, до вашихъ всѣхъ раввиновъ?
Нѣтъ, Уріель! Хотѣли вы бѣжать!..
Скажите мнѣ, ужели это правда?
Ужели вы могли жестоко такъ,
Внезапно такъ исчезнуть?

У р і е л ь.

Успокойтесь.

Я васъ прошу, оставьте этотъ тонъ
Привѣтливый и дружественный. Будьте
Тѣмъ, чѣмъ должны вы быть—женой Юхאי.
Вѣдь ужъ не разъ объ этомъ съ вами мы
И рѣчь вели, и плакали надъ этимъ—
Къ чему опять касаться старыхъ ранъ?

Ю д и ф ь.

Я не хочу, чтобъ вы меня учили
Безропотной покорности!

У р і е л ь.

Юдифь!

Ю д и ф ь.

Да, не хочу! Я васъ возненавижу
За этотъ тонъ смиренный...

У р і е л ь.

Но, Юдифь,

Вы знаете, семейное начало
Царить у насъ въ народѣ; говоритъ
Отецъ: *хочу*, и дѣти исполняютъ
Съ покорностью слѣпою. Наша жизнь—
Закрытая темница...

Ю д и ф ь.

Говорите

Вы это все, Акоста, въ тѣ часы,
Когда съ своимъ холоднымъ, злымъ сомнѣньемъ
Наединѣ вы бродите! Но здѣсь,
Здѣсь, въ томъ саду, гдѣ вы въ меня вдохнули
Теплѣйшую, чудеснѣйшую жизнь—
Здѣсь не должны вы говорить объ этомъ!
О, Уріель, вѣдь мы въ аллеѣ той,
Гдѣ съ вами я такъ часто проходила,
То на одинъ, то на другой цвѣтокъ
Указывая вамъ... Вы принимались
Разсматривать, вы говорили мнѣ
Названіе его, вы приносили
Диковинныя стекла, вы сквозь нихъ
Показывали, какъ природа духу
Покорствуеть, какъ много скрыто силъ

Въ простомъ кремнѣ, въ растеніи, въ металлѣ...
Такъ неужли жъ *у насъ*, у насъ въ душѣ
Все умерло?.. Нѣтъ, Уріель, неправда!
Ты лѣстницу небесную возвелъ
Передо мной,—и вотъ, когда въ эфирѣ
Я плаваю, когда моя душа
Парить, полна святого просвѣтленья,
Ты лѣстницу отдернуть хочешь? Нѣтъ,
Я не могу пойти путемъ обратнымъ,
Нѣтъ, не могу смѣшаться я съ толпой!

У р і е л ь .

Юдифь, Юдифь! Горячими слезами
Написано на каждомъ лепесткѣ
Твоихъ цвѣтовъ все то, чѣмъ другъ для друга
Мы сдѣлались... Но этому не быть,
И этого не будетъ... Я считаль бы
Себя безчеловѣчнымъ, еслибъ скорбь
Моей души не подавивъ безъ стона,
Безъ ропота, привелъ тебя туда,
Гдѣ сходятся двѣ разныя дороги,
И тамъ сказалъ жестоко: „здѣсь должна
Рѣшиться ты на выборъ или погибнуть!“
Ты знаешь ли, что мнѣ грозитъ теперь?
Суровый судъ, изгнаніе, проклятье!
Проклятаго любить ты не должна!
Да, не должна! Проклятье это честью
Считаю я, но никого на свѣтѣ
Не допущу дѣлить его со мной!

Ю д и ф ь .

Не можетъ быть, чтобъ лучшихъ изъ народа
Сурово гналъ ихъ собственный народъ!

Урiель.

Не можетъ быть, но будетъ... Дорогая
Моя Юдифь... *(береть ея руку)*. Въ послѣдній разъ
прощай!

(Увидѣвъ входящаго Бенъ-Иохаи).

Иохаи здѣсь? И гости всюду?.. Значить,
Мы не одни... Юдифь, какая цѣль?
Воздать мнѣ честь?.. Но только униженіе
Мнѣ принесетъ весь этотъ нестрый рой!

ЯВЛЕНІЕ V.

Бенъ-Иохаи, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ
сошедшій съ террасы, за нимъ **гости**, въ празднич-
ныхъ нарядахъ; черезъ нѣсколько времени **Манассе**
и **де-Сильва**.

Иохаи *(Апостъ)*.

Такъ вотъ вы какъ навѣки распростились!
А я считалъ, что въ Гейдельбергѣ вы
Уже давно и птицъ лѣсныхъ мышлению
Тамъ учите...

Юдифь.

Къ чему ему спѣшить,

Когда и здѣсь *(указывая на павлинье перо на шляпѣ Иохаи)*.
павлины есть, которымъ
Уроки тѣ полезнѣй и нужнѣй!

*(Береть Урiеля за руку и уводитъ его на террасу. Въ отда-
леніи слышится музыка)*.

Иохаи *(одинъ)*.

Въ послѣдній разъ въ меня презрѣнъемъ гордымъ
Ты кинула! О, какъ сладка та месть,

Которую намъ щедро посылаетъ
Сама судьба, снимая этимъ съ насъ
Обязанность—самимъ раздуть зловѣщій
Ея огонь... (*Манассе и Сильва показываются на террасѣ*).

М а н а с с е .

Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть!

С и л ь в а .

Терпѣніе! терпѣніе!

М а н а с с е .

Какая

Ужаснѣйшая дерзость! Строго такъ
Я запретить...

С и л ь в а .

Умѣрьте гнѣвъ и лучше
Ступайте-ка, чтобъ гостя охранить
Отъ грустнаго скандала. Вѣдь покамѣсть
Синедрионъ еще не произнесъ
Надъ нимъ суда.

М а н а с с е .

Общественнымъ приличьемъ—
Какъ Уріель конечно могъ бы знать—
Руководить не судъ, а предразсудокъ.
(*Уходитъ въ комнаты. Сильва сходитъ съ террасы*).

І о х а н .

Я изумленъ, де-Сильва! Неужли
Вы мнѣніе свое перемѣнили?

Сильва.

Предупреждать судейскій приговоръ
Никто, нигдѣ не властенъ.

Иоан.

Чтѣ я слышу?
Такъ говоритъ де-Сильва—человѣкъ,
Его трактать предавшій осужденю?

Сильва.

Предавшій осужденю? Развѣ я
Кому-нибудь мой взглядъ на это дѣло
Ужъ сообщилъ открыто?

Иоан.

Сильва! Здѣсь
Извѣстно всѣмъ, что вы ужъ заявили
Совѣту синагоги ваше мнѣнье,
И мнѣнье то: „Акоста не еврей!“

Сильва.

Мои слова вы толковать хотите
По своему... я вижу, вы меня
Не поняли... Оставьте это...

Иоан.

Понялъ
Я хорошо, что онъ находить въ васъ
Защитника...

Сильва.

Да полно! Я нисколько

Его не защищаю... А межъ тѣмъ...
Да, сознаюсь... почти повѣрить можно,
Что я переродился! Да, мой другъ,
Послушайте, какія ощущенья
Я пережилъ, когда его трактатъ
Изслѣдовалъ...

Юхан. (Въ сторону).

О, что-то я услышу!

Сильва.

Въ мой кабинетъ я заперся, и тамъ,
Уединясь, сидѣлъ надъ этой книгой
И день, и ночь—и что жъ? чѣмъ больше я
Читалъ ее, чѣмъ больше углублялся
Въ ея слова, тѣмъ на душѣ моей
Чуднѣе и чуднѣе становилось...
Я чувствовалъ: мыслитель воскресалъ
Опять во мнѣ, подъ мощнымъ обаяньемъ
Волшебныхъ чаръ... И каждый разъ взывалъ
Я самъ къ себѣ: „Нѣтъ, это невозможно!
Священникамъ не выдашь ты его,
Заблудшаго; ты не имѣешь права
Ученика Платона выдать имъ!“
И въ Торѣ, и въ Талмудѣ мнѣ хотѣлось
Отъ всей души найти одну хоть мысль,
Согласную съ той мудростью глубокой,
Что я встрѣчалъ въ трактатѣ на ряду
Съ неправдою и ложнымъ увлеченьемъ...
Но поиски мои остались все
Безплодными—а такъ какъ я поклялся

По Торѣ и Талмуду этотъ грудъ
Изслѣдовать, то написалъ я только
Въ концѣ его, что „авторъ не еврей“.

Іо х а и.

Да знаю я; но согласитесь сами—
Тутъ смыслъ двойной...

С и л ь в а.

Нисколько! Написаль

Я только то, чѣмъ осужденію преданъ
Онъ, какъ еврей. Но... но еврей ли онъ?
Обязанъ ли склониться онъ покорно
Подъ тягостнымъ проклятьемъ, подъ такимъ
Позорнѣйшимъ гоненьемъ? Нѣтъ! Акоста,
Коль хочетъ онъ, имѣеть право звать
Себя христіаниномъ!

Іо х а и.

Какъ, де-Сильва?..

С и л ь в а.

И вы тогда могли бы возвратить
Себѣ Юдифь...

Іо х а и.

Что слышу я? Акоста—

Христіанинъ?

С и л ь в а.

Его отецъ давно,

Еще живя въ Куэнсѣ, окрестился
И воспиталь дѣтей въ монастырѣ.

Потомъ, когда они сюда вернулись,
То сдѣлались евреями опять.
Послѣдоваль ли этому примѣру
И Уріель? Онъ властенъ называть
Себя христіаниномъ, если хочеть.

Ио х а и.

Христіанинъ?.. Но это навсегда
Должно его отторгнуть отъ Юдифи!

С и л ь в а.

Конечно такъ... И потому, скорѣй
Спасемъ его. Вы—по смертельной злобѣ—
Иохаи, я не осуждаю васъ,—
А я?.. И такъ, за дѣло. Здѣсь, въ аллеѣ
Побудьте вы. Спнедріонъ узналъ,
Какъ слышалъ я, что Уріель Акоста
Въ числѣ гостей Манассе, и сюда
Раввинъ придетъ съ проклятьемъ синагоги.
Мнѣ слѣдуетъ держаться въ сторонѣ.
А вы, когда начнется эта сцена,
Появитесь и скажете ему:
„Акоста, ты христіанинъ!“ И этимъ
Вы пищу всю у ревности своей
Отымете: вѣдь ни за что на свѣтѣ
Не станетъ христіанкою Юдифь...
А я, хотя не вѣрящій ни мало
Тому, во что стремится Уріель
Увѣрывать, но полный уваженья
Къ мыслителю—я этимъ отъ себя
Стыдъ устраню,—краснѣть передъ Платономъ.

(Уходитъ. Иохаи радостно слѣдуетъ за нимъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Манассе и другіе гости сходятъ съ террасы. **Юдифь**
и **Уриель** выходятъ съ другой стороны.

Манассе.

Что, Симонъ, что? Раввинъ де-Сантось здѣсь?

Уриель. *(входя съ Юдифью).*

Да, это онъ...

Юдифь.

Такъ что жъ такое? Вы
Испуганы?.. Не стыдно ли? Гдѣ Сильва?

*(Музыка, играющая въ отдаленіи все это время,
умолкаетъ).*

Что жъ музыка? Зачѣмъ замолкли вы,
Посредники сердець пустыхъ и жалкихъ?

Уриель.

Юдифь, Юдифь, смотрите, онъ пришелъ!

*(Раздаются звуки рожка; всѣ въ испугъ оборачиваются
къ террасѣ).*

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ-же и раввинъ **Сантось** въ сопровожденіи че-
тырехъ раввиновъ, которые держатъ у рта маленькіе
рожки и издають продолжительные, торжественные
звуки. Они остаются на террасѣ. Впослѣдствіи **Юхан**
и **Сильва**.

Манассе.

(Послѣ того, какъ звуки рожка умолкнутъ).

Предвѣстники проклятія! И это
Въ моей тиши блаженной...

Сантосъ.

(торжественно съ террасы).

Звукъ рожка

Привѣтствуетъ собравшихся! Припомнимъ
Тотъ день, когда отецъ нашъ Авраамъ
Хотѣлъ заклать родного сына въ жертву
Всевышнему. Но рекъ ему Господь:
„Оставь его и вмѣсто сына въ жертву
Мнѣ принеси козла, который здѣсь,
Невдалекѣ, рогами зацѣпился
За кустъ лѣсной“. И сына Авраамъ
Освободилъ, и вмѣсто человѣка
Невиннаго и праведнаго, онъ
Животное заклать... О, братья, каждый,
Кто Господу Израиля служить
Всегда готовъ—пусть отойдетъ сейчасъ же
На сторону! Господь не хочетъ жертвъ
Изъ праведныхъ потомковъ Авраама...
И только ты, Акоста, только ты
Останешься одинъ!

(Всѣ отходятъ отъ Уріеля; Юдифь медлитъ).

Сантосъ.

А дочь Манассе?

Иль Господу Израиля служить
Не хочешь ты?

*(Юдифь медленно отходитъ и присоединяется къ
остальнымъ).*

Уріель *(въ сторону).*

Такъ! И она!.. Всесилень
Магнитъ бреда безумнаго. *(Сантосу)* Раввинъ,

Не кажется ль тебѣ, что на Синаѣ
Ты здѣсь стоишь? Какой же Моисей
Избралъ тебя карающимъ орудьемъ
Своихъ рѣчей? Распоряжаться мной
Кто далъ тебѣ и власть, и полномочье?

Сантось.

Коль ты еврей, то понимаешь, кто:
Всевышній Богъ!

Ио х а и (*выступаетъ впередъ*).

Скажите, что такое

Случилось здѣсь?.. Де-Сантось, неужли
Вамъ хочется отвѣтственности тяжкой
Подвергнуть насъ? Вѣдь если Амстердамъ
Далъ право намъ чинить свою расправу,
Чинить свой судъ по правиламъ святымъ
Еврейскаго закона—то позволилъ
Онъ это намъ по отношенью лишь
Къ соотчикамъ-евреямъ, а Акоста—
Христіанинъ.

В с ѣ.

Христіанинъ!

Ю д и ф ѣ.

О, Боже!

И о х а и.

И вы его хотите проклинать?
Христіанинъ не подлежитъ проклятью
Израиля.

Юдифь (*въ сторону*).

То, что его спасло,
Меня убьетъ.

Сантось.

Коль Уриель Акоста—
Христіанинъ, смолкають передь нимъ
Мои уста. (*Благословляя руками остальныхъ*).
Да ниспошлетъ Всевышній
На сыновей Израиля и миръ,
И благодать!

Уриель.

Кто утверждаетъ это?
Кто говоритъ?..

Иохаи.

Отецъ твой ужъ давно
Со всѣмъ своимъ семействомъ вѣру предковъ
Перемѣнилъ, и никакимъ еще
Торжественнымъ обрядомъ не заявленъ
Вашъ переходъ обратный къ сыновьямъ
Иакова... Вы, Уриель Акоста—
Христіанинъ. Большою честью мы
Должны считать, что вы въ гостяхъ у вашихъ
Покорнѣйшихъ рабовъ...

Манассе.

Идемъ же! Пирь
Насъ ждетъ давно. Христіанинъ Акоста
Насъ извинить, что въ пищѣ и питьѣ

Обязаны мы строго подчиняться
Обычаямъ народнымъ...

Уріель.

Вотъ какъ! Я—

Христіанинъ?.. Надменною насмѣшкой
Вы для меня, я вижу, отворить
Хотите дверь фальшиваго участья?
Такъ слушайте жъ. Уже ребенкомъ я
Былъ окрещенъ внезапно. Не священникъ
Къ религіи Христовой обратилъ
Отца и мать, меня, сестеръ и братьевъ;
Не золотомъ, не почестями насъ
Къ ней привлекли—нѣтъ, крестными отцами
Служили намъ лишь слуги-палачи
Святѣйшей инквизиціи. Насильно,
Семь лѣтъ, въ одну изъ христіанскихъ школъ
Гоняли насъ, дорогу освѣщая
Горящими кострами... Вѣчный страхъ
Лежалъ на насъ, и если страхъ—источникъ
Религіи, то упрекнуть никто
Не могъ насъ въ томъ, что мы не христіане!..
Но между тѣмъ—привычка ли тому
Была виной иль чтонибудь другое—
Мой умъ свѣтлѣлъ, и тѣмъ, чтò я теперь,
Я сдѣлался лишь подъ влияньемъ новой
Религіи. Я видѣлъ предъ собой
Открытымъ путь свободнаго развитія
Всѣхъ чувствъ моихъ и мыслей; я себя
Ужъ сознавалъ свободнымъ *человѣкомъ*,
Я могъ любить то, что любили всѣ,

Боялся я того, что страх вселяло
Во всѣхъ людей и, также какъ они,
Я ощущалъ въ себѣ бѣненіе пульса
Всѣхъ славныхъ дѣлъ и каждое дыханье
Исторіи. Я португальцемъ былъ,
Отечество, существованья право. —
Я все имѣлъ!.. Но вотъ моя семья,
И я за ней, бѣжали въ Нидерланды.
Лишь здѣсь, въ странѣ терпимости, они
Свободными сочли себя, и каждый
Изъ нихъ спѣшилъ стереть съ себя пятно
Крещенія. Отецъ служилъ примѣромъ
Для сыновей, для матери, и всѣ
Въ моей семьѣ теперь опять—евреи.
Примѣру ихъ послѣдовалъ ли я?
Вы спросите. Скажу вамъ откровенно:
Охотно бы я отдался тому,
Что обще всѣмъ, оставилъ отчужденность
Еврейскую и погрузился весь
Въ живой потокъ движенія мірового.
И воленъ былъ я это сдѣлать— но
Не дѣлаю... А отчего? Объ этомъ
Не спрашивайте. Отчего, когда
Къ Іосифу въ Египетъ тѣ же братья
Приѣхали, что продали его—
Заплакалъ онъ отъ радости и счастья?
Что, не смотря на отвращеніе наше
Къ той ветоши, которую съ собой,
Мы принесли съ востока, какъ обычай,
Связуетъ насъ, какъ братьевъ, между тѣмъ
Какъ часто мы по виду только братья?

Союзъ нашъ ветхъ; честь нации одна
Еще хранить его отъ разрушенья,
И эта честь велить мнѣ вашимъ быть!
Въ Голландіи васъ терпятъ, это правда,
Здѣсь смотрятъ всѣ на васъ, какъ на людей;
Но все-таки вы только робкимъ стадомъ
Живете тутъ испуганной толпой,
Дрожащею предъ каждымъ мановеньемъ,
Передъ любимъ капризомъ христіанъ.
Малѣйшее, пустое подозрѣнье—
И снова вы, какъ предокъ Агасферъ,
Должны идти, идти безъ остановки,
Безъ отдыха, съ проклятьемъ на челѣ!..
И что жъ? Межъ тѣмъ, какъ вы свой путь тяжелый
Свершаете, снося и пыль, и зной—
Мнѣ возлежать въ тѣни густыхъ деревьевъ,
На зелени роскошной? Нѣтъ, страдать
Съ страдальцами хочу я. На проклятье
Имѣете вы право: я еврей!

Сантосъ.

Коль ты еврей лишь для того, чтобъ дерзко
Надъ нами издѣваться—лучше бъ ты
Остался въ христіанствѣ. Сочиненье
Твое у насъ ужъ предано огню,
А на тебя обрушилось проклятье!
Твоихъ молитвъ не слышать небеса,
Твой каждый взглядъ отраву разливаетъ,
Дыханіе—смертельная чума.
Внемли жъ теперь, внемли проклятью, грѣшникъ!
Въ какую бъ дверь ни постучался ты,
Ее тебѣ пусть отворяетъ только

Рука врага! Когда ты заболѣешь,
Пускай тебѣ въ стаканѣ каждомъ ядъ
Подносится! Когда же ангель смерти
Придетъ къ тебѣ—умри въ глухой степи,
Въ мученіяхъ невыразимыхъ.

Всѣ (опустивъ головы).

Горе!

Сантосъ.

Блуждай слѣпцомъ, и проклять будетъ тотъ,
Кто посохомъ снабдитъ тебя! Когда же
Ты упадешь, пусть подъ тобой земля,
Разверзнувшись, тебя поглотитъ...

Всѣ.

Горе!

Сантосъ.

Ты церковью навѣки отлученъ.
Черезъ мое посредство проклинаятъ
Она тебя и чрево, коимъ ты
Рожденъ на свѣтъ...

Уриель (въ сторону).

О, мать моя!

Сантосъ.

Проклятье

Твоимъ друзьямъ, которые тебя
Въ несчастіи безпомощнымъ не кинуть!
Проклятіе всему, въ чемъ есть къ тебѣ
Сочувствіе малѣйшее! Проклятье

И смерть всему, что подойдет къ тебѣ,
Что тронешь ты нечистою рукою!
Изсохнешь ты въ томленьѣ по любви,
Не встрѣтивши ни разу въ женскомъ сердцѣ
Горячаго привѣта...

Ю д и ф ъ.

(быстро выступаетъ изъ толпы).

Лжешь, раввинъ!

Манассе.

Какъ! Дерзкая!

Сильва.

Иохаи, уведите

Ее скорѣй!

Иохаи.

Измѣнница!

Ю д и ф ъ.

Да, да,

Себѣ самой и вамъ я измѣняю!
Измѣна вамъ есть вѣрность небесамъ!..
Несчастные безумцы! Проклинайте
Вы тѣхъ боговъ, которыхъ оба мы
Чтимъ всей душой! Лишь эти боги святы
И истинны! Учитесь вѣрить въ нихъ,
Молитесь имъ—и, проклиная, знайте,
Что онъ любимъ! *(бросается въ объятія Уриеля).*

Сантось.

Дѣвъ жертвы видитъ здѣсь.

Передъ собой святая наша церковь!
О, братія! Кто чистъ душой, тому
Нельзя стоять на оскверненномъ мѣстѣ!

*(Сходитъ съ террасы во своили провожатыми и удаляется.
Гости въ испугъ и уныніи слѣдуютъ за нимъ).*

Іохан *(къ Манассе и Юдифи).*

Вопросъ религіозный для меня
Не важень здѣсь; людское только вижу
Я передъ собой—измѣну. Но въ боговъ,
Отъ древности живущихъ, вѣру то же
Имѣю я—боговъ, что учать насъ
Сладчайшему на свѣтѣ чувству: мщенью! *(Уходитъ).*

Манассе.

Какъ этотъ сонъ окончится и какъ
Все то, что здѣсь свершилось, разрѣшится
На практикѣ житейской—это я
Не знаю самъ и все предоставляю
Рѣшить тому, что управляетъ міромъ—
Злорадной случайности... Юдифь,
Дитя мое! Ахъ, не легко намъ будетъ
Опять попасть на прежній, старый путь!..
Вы, Уріель, покаместъ оставайтесь
Здѣсь, у меня на виллѣ, вмѣстѣ съ вашимъ
Прокліетіемъ! Оставайтесь здѣсь, среди
Богинь и музъ: онѣ отъ васъ конечно
Не побѣгутъ! Мнѣ жъ надо въ Амстердамъ
Сейчасъ спѣшить... Юдифь, и ты поѣдешь
Туда со мной—приличья нарушать
Не слѣдуетъ. А тамъ ужъ—какъ ни тяжело—
Сообразимъ, какъ лучше поступить! *(Уходитъ).*

Ю д и ф ь.

И такъ, ты мой! Тебя завоевала
Я правдою святою!.. Видишь, какъ
Мнѣ дорогъ Богъ, которому молиться
Ты научилъ, тотъ Богъ, что говоритъ
Изъ пламени сердечнаго! О, будемъ
Надѣяться и вѣрить!.. Ты за мною
Послѣдуешь, мой милый!.. Тотъ, въ комъ есть
Энергія и воля, побѣждаетъ
Преграды всѣ и покоряетъ міръ! (*Уходитъ съ Уриелемъ*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната въ домѣ Манассе, въ Амстердамѣ, украшенная картинами и статуэтками.

ЯВЛЕНІЕ I.

Манассе (сидитъ за письменнымъ столомъ и сводить счеты).

Манассе.

Ахъ, на водѣ построенное счастье
Продержится недолго! Вотъ, пишу
Я цифры здѣсь, и все такія цифры
Почтенныя; а набѣжить волна—
И смоетъ ихъ!.. Нѣтъ, вѣрныя расчеты
Лишь въ гавани возможны, только въ ней!
(*Встаетъ, проходитъ по комнатѣ и беретъ со стола другую книгу*).

Милѣ мнѣ читать вотъ эту книжку:
Картины, и статуи, и игра
Веселая фонтановъ своенравныхъ,
Бесѣдки, павильоны—это все
Стопилось здѣсь красивымъ, пестрымъ роемъ,
И тоже все съ оцѣнкой, черезчуръ
Высокою, по биржевымъ тарифамъ!
Высокою!.. Толкуете вы тамъ
Про стоимость картины, недовольны,

Что черезчуръ ужъ дорого себя
Художники оцѣнивають... Точно
Мы платимъ за картину по ея
Достоинству!.. Нѣтъ, мы въ картинѣ цѣнимъ
Не полотно, не краски, не часы,
Ушедшіе на трудъ, не геній даже,
Ей давшій жизнь—затѣмъ, что для него
Пріятнѣе *дарить* свою работу,
Чѣмъ *продавать*—мы деньги платимъ только
За право обладанія, за то,
Чтобъ одному, всецѣло, безраздѣльно,
Прекраснымъ наслаждаться!
(Подходитъ къ одной изъ картинъ и засматривается на нее).

Высоко

Отрадное, плѣнительное чувство—
Знать, что *одинъ* владѣешь ты, одинъ,
Что не взглянуть въ твое уединенье
Ничьимъ глазамъ, что не пройти въ него
Слѣпому любопытству, что болтливый
Полузнатокъ покоя твоего
Не отравить!.. Нѣтъ ничего на свѣтѣ
Прекраснѣе и выше!.. Здѣсь, гдѣ все,
Все вѣчно повторяется, художникъ
Разъ навсегда создастъ—и это мнѣ,
Какъ милая подруга, чисто, свято,
Никѣмъ не оскверняемое, мнѣ
Принадлежитъ всецѣло, отдается
Мнѣ одному!.. И эти господа
Рѣшаются здѣсь толковать о цифрахъ!..

(Возвращается къ столу, къ счетной книгѣ).

А между тѣмъ, какъ позабыть о нихъ,

Когда итогъ невѣренъ?.. О, заботы
Тяжелыя!.. Когда же снова я?.. (*Задумывается*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Манассе, Юдифь, потомъ Симонъ.

Ю д и ф ь

(*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Я васъ ищу, отецъ мой, и нигдѣ
Не нахожу. Вы точно затерялись
Въ своемъ уединеньѣ. И притомъ
Такъ мрачны вы и грустны...

Манассе.

Это только

Такъ кажется; на самомъ дѣлѣ—нѣтъ.

Ю д и ф ь.

Устали вы отъ тяжкихъ жертвъ? Вы столько
Ихъ принесли за эти дни...

Манассе.

Сама

Ты знаешь, дочь: чужимъ несчастьемъ только
Мы счастливы...

Ю д и ф ь.

Тотъ, отъ кого бѣгутъ
Всѣ въ ужасѣ, тотъ, кто войти не смѣетъ
Въ священный домъ, гдѣ мать его живетъ—
Нашель пріютъ у васъ однихъ... Вы только

Отъ ярости фанатиковъ его
Скрываете, въ своемъ дому даете
Убѣжище и... и не прочь назвать
Его своимъ любезнымъ сыномъ!.. Люди
Считаютъ васъ холоднымъ; скорлупу
Чужой души они находятъ жесткой...
О, если бы имъ показать зерно,
Столь мягкое, столь теплое!..

Манассе.

Ужъ слишкомъ,

Дитя мое, превознесенъ тобой
Старикъ-отецъ! Я пріютилъ Акосту
Не для него: кто подчинять себя
Общественнымъ условіямъ не хочетъ,
Тотъ, сознаюсь, мнѣ чуждъ; я не могу
Его любить. Но для тебя онъ дорогъ,
Въ своей любви создалась громко ты
Съ безумнѣйшимъ забвеньемъ всѣхъ приличій...
Не хочется и вспомнить даже мнѣ
О сценѣ той...

Ю д и ф ъ (*въ сторону*).

А я живу лишь ею!

Манассе.

Извѣстно всѣмъ, что Уріелю я
Отдамъ тебя, какъ скоро примирится
Онъ съ церковью. А отчего я слабъ,
Мое дитя, сама ты это знаешь,
И чувствуешь...

Ю д и ф ь.

Да, оттого, что вы
Свое дитя жалѣете, что чувство
Нѣжнѣйшаго *отца* въ васъ говорить,
Но не одно, а съ чувствомъ *человѣка!*

М а н а с с е.

Нѣтъ, нѣтъ, Юдифь, ты въ заблужденьѣ. Я,
Хотя людей не ненавижу, правда,
Но и любви особенной я къ нимъ
Не чувствую. Та сторона, съ которой
Узналъ я ихъ, заставила меня
Забуть другихъ и жить на свѣтѣ только
Для самого себя... Пятнадцать лѣтъ
Тому назадъ—въ то время ты ребенкомъ
Еще была—въ одинъ прекрасный день
Вѣсть разнеслась: Манассе Вандерстратень—
Банкротъ! Купцы, на биржевой стѣнѣ
Прочли: „Банкротъ Манассе Вандерстратень!“
И крошечку участія, большой
Запасъ весьма полезныхъ наставленій,
Тутъ—легкій вздохъ, тамъ—пожиманье плечъ.
Вотъ все, что могъ разбитый бурей встрѣтить
На берегу...

Ю д и ф ь.

А мать моя, отецъ?

М а н а с с е.

Она! Пошли ей, Господи, отраду
На небесахъ!.. О, да, она въ меня

Вдохнула вновь энергію и силу,
Ей на землѣ еще разъ наше солнце
Привѣтно улыбнулось, и она
Счастливою скончалась, изнемогши
Подъ бременемъ той силы, что пришлось
Искусственно и долго ей предъ свѣтомъ
Выказывать—пустымъ, холоднымъ свѣтомъ!
О, дочь моя, кто вынесъ такъ, какъ я,
Изъ опыта житейскаго сознанье,
Что довѣрять онъ можетъ лишь себѣ,
Что за него на бой съ людьми не выйдетъ
Никто другой, что счастье свое
Онъ строилъ самъ, найдя, быть можетъ, помощь
Въ женѣ своей, въ своемъ ребенкѣ—тотъ,
Подобно мнѣ, окончивши работу,
Спѣшитъ уйти въ свой собственный комфортъ
И, наглухо забивши дверь, страдаетъ
Отъ всей души, когда въ его пріютъ
Дѣйствительная жизнь стучится шумно...

С и м о н ъ (*входитъ*).

Де-Сильва посылаетъ объявить,
Что будетъ онъ у васъ сію минуту. (*Уходитъ*).

Ю д и ф ъ.

Де-Сильва?

М а н а с с е.

Да... Гдѣ Уріель?

Ю д и ф ъ.

Онъ здѣсь

Скрывается, какъ вы ему велѣли...

М а н а с с е.

Что жъ? И теперь еще на стариковъ
Все будетъ молодое поколѣнье
Негодовать? Пожалуй, и теперь
Вы будете твердить, что въ вашемъ счастьѣ
Помѣха—мы? Въ де-Сильва Уріель
Защитника нашель себѣ; де-Сильва
Старается Акосту примирить
Съ раввинами, старается утишить
Свирѣпый гнѣвъ и мстительность Іохан...
Зови сюда Акосту!

Ю д и ф ъ.

Милый мой,
Чудесный мой отецъ!.. О, еслибъ подвигъ
Какойнибудь великій совершить
Могла и я! А то ужъ просто стыдно—
Все принимать услуги и самой
Не дѣйствовать...

М а н а с с е.

Ступай, ступай и друга
Пошли сюда.

Ю д и ф ъ.

Но не смущай его
Притворною холодностью... Ты любишь
Прекрасный блескъ искусства; отчего жъ
Сіяніе души твоей не хочешь
Выказывать паружу? Въдь оно
Прекраснѣе и чище... (*Уходитъ*).

Манассе (смотря ей въ слѣдъ).

„Еслибъ подвигъ
Какой нибудь великій совершить
Могла и я!“ А тотъ, который сердце
Разбилъ бы въ ней, само собой, она
Отсюда исключаетъ... Вотъ и Сильва.

ЯВЛЕНІЕ III.

Манассе и де-Сильва.

Манассе.

Благодарю за посѣщенье. Вы
Хотите миръ внести сюда... Но только,
Пожалуйста, безъ жалобъ, старый другъ!
Пожалуйста, и безъ упрековъ тоже!
А главное, безъ утѣшеній!..

Сильва.

Странный
Вы человекъ! Никто усерднѣй васъ.
Не бѣгаетъ отъ горя—и оно
Поэтому ни на одну минуту
Не отстаеетъ отъ васъ...

Манассе.

Вы говорили
Съ Совѣтомъ Трехъ?

Сильва.

Изъ синагоги я,
Теперь иду.

Манассе.

Для отреченья все ли
Готово тамъ? Хотѣлось бы скорѣй
Покончить все, чтобъ разростись сильнѣе
Безумья гнѣвъ не могъ...

Сильва.

Безумьемъ вы
Зовете то, что дѣломъ вѣры только
Я признаю.

Манассе.

Ну, да, и та вражда,
Что мнѣ силки коварно разставляетъ,
И мстительность, которою теперь
Я окруженъ—все это дѣло вѣры,
По вашему? Юхאי и его
Приверженцы со мною перестали
И кланяться. На биржѣ хорошо
Замѣтилъ я, какъ эта вся компанья
Выискивала мѣсто, гдѣ меня,
По мнѣнью ихъ, всего удобнѣй ранить
Имъ хорошо извѣстно, что когда
Купца прижать со всѣхъ сторонъ—погибнуть
Ему легко...

Сильва.

Терпите и надѣйтесь!

Манассе.

Да, хорошо надѣяться, терпѣть,
Когда одна, одна минута можетъ

Всю жизнь мою разрушить... Коль меня
Юхан погубить уже рѣшился...

Сильва.

Манассе!

Манассе.

Ну, довольно!.. Обь одномъ
Я васъ прошу—скорѣй кончайте дѣло.
Вы слышите? Скорѣе! Говорить
Вы будете съ Акостой; объясните жъ
Ему, какихъ формальностей держаться
Обязанъ онъ, чтобъ не возстановлять
Противу насъ всей этой стаи гончихъ,
Направленной раввинами... Акоста
Сейчасъ придетъ. Поговорите жъ съ нимъ...
Я уйду... Послушайте, де-Сильва,
Сознайтесь-ка мы съ глазу на глазъ здѣсь—
Вѣдь вамъ самимъ раввинство наше вѣрно
Не по сердцу... И въ самомъ дѣлѣ, намъ
Возможно ли, быть строго правовѣрнымъ?
Возможно ли чтобъ челоуѣкъ, путемъ
Науки философской, хламъ старинный
Самъ для себя нагромоздилъ и вновь
Туда пришелъ, откуда прежде вышелъ!
Когда дѣтей беремъ на вѣру мы,
Что дважды-два равно пяти—я въ этомъ
Мудренаго не вижу; но поди,
Поладь-ка ты съ наукой философской,
Когда она находитъ тайну въ вѣрѣ
Младенческой и хочеть *доказательствъ*,

Что дважды-два равно пяти!.. Пора
Однако мнѣ—въ конторѣ ждуть расчеты (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Уріель и Сильва.

Уріель (*останавливаясь у дверей*).

Де-Сильва, это я! Разрѣшено ль
Проклятому приблизиться къ святому
Защитнику душъ чистыхъ?

Сильва.

Уріель,
Священнѣйшее дѣло человека—
Долгъ совѣсти, есть къ сожалѣнью то,
Съ чѣмъ рѣдко онъ не борется, что рѣдко
Онъ выполнить по доброй волѣ. Я
Васъ осудилъ, Акоста, противъ воли.

Уріель.

Да, это мнѣ извѣстно. Для меня
Оставили вы, Сильва, выходъ—выходъ,
Единственный, который я не могъ
Избрать себѣ...

Сильва.

И глубоко я тронуть
Тѣмъ, что еще вы связаны въ душѣ
Съ Израилемъ, хоть доводы всѣ ваши
Я черезчуръ ужъ свѣтскими нашель,

Какъ нахожу любовь Юдифи просто
Бѣсовскимъ навожденіемъ. Но такъ,
Иль иначе—привѣтствовать я долженъ,
Какъ будущаго родственника, васъ,
И руку вамъ тѣмъ болѣе охотно
Я подаю, что городъ Амстердамъ,
Благодаря такой развязкѣ, будетъ
По прежнему имѣть въ своихъ стѣнахъ
Высокій умъ, талантъ высокій...

У р і е л ь.

Гдѣ же

Мнѣ отыскать возможность эту? Правда,
Что ангела чистѣйшаго любовь
Мнѣ послана—но вправѣ ль я, скажите,
Присвоить то, чтѣ удержать нельзя
Мнѣ ни однимъ законнымъ средствомъ?

С и л ь в а.

Въ томъ-то

И дѣло, другъ, что можно. Нынче я
Въ Совѣтѣ Трехъ присутствовалъ. Рѣшенье
Собранія благопріятно вамъ:
Мы зятя Вандерстратена не будемъ
Въ процессѣ покаянья подвергать
Формальностямъ особенно тяжелымъ.
Ступайте безбоязненно теперь
На мѣсто запрещенное. Три раза
Вы стукнете въ дверь синагоги; тутъ
Пообождать, быть можетъ, вамъ придется
Пять-шесть минутъ—и въ это время пусть

Не сердить васъ народъ, которымъ вѣрно
Вы будете окружены... Что жъ дѣлать?
Безъ этого нельзя. Затѣмъ слуга
Появится и васъ на испытанье
Къ верховному раввину³ Бенъ-Акибъ
Проводить. Такъ постановилъ Совѣтъ.

У р і е л ь .

Я слушаю вѣжательно—и право
Глубоко изумленъ. Меня сюда
Позвали для того, чтобъ васъ, де-Сильва,
Привѣтствовать, и съ этой цѣлью я
Пришелъ сюда. О чемъ вы говорите?

С и л ь в а .

О вашемъ отреченіи.

У р і е л ь .

О чемъ?

С и л ь в а .

Вы кажетесь глубоко изумленнымъ,
А между тѣмъ не можете не знать,
Что только отреченье сниметъ съ васъ
Проклятье синагоги...

У р і е л ь .

Отреченье?

Моей душѣ такъ чуждо это слово,
Что произнести его едва-едва
Уста мои рѣшаются... Де-Сильва,
Кто жъ вамъ сказалъ, что отъ проклятья я
Очиститься надѣюсь?

Сильва.

Ахъ, Акоста,

Пожалуйста, одумайтесь? Ужель
Больной вашъ бредъ хотите въ силу воли
Вы обратить? Въдь согласитесь: дать
Отверженнику дочь—одно и то же,
Что самому сказать: „я не еврей!“
А сверхъ того, вы, оставаясь дольше
Здѣсь въ этомъ положеніи, едва ль
Поручитесь за вашу безопасность:
Не вы, а мы у здѣшнихъ христіанъ
Находимъ покровительство.

Уріель.

Да, знаю,

И ужъ давно обдумываю, какъ
И гдѣ найти малѣйшую возможность
Поддерживать хоть кое-какъ мое
Опальное существованье... Сильва,
Послушайте однако: если вы
Хоть разъ себя назвать считали въ правѣ
Мыслителемъ и если хоть на мигъ
Васъ озарилъ небесный свѣтъ, то какъ же
Такъ холодно сказать мнѣ: „отрекись!“
Вы можете?

Сильва.

Раскаяніе красить

И доблести геройскія.

Уріель.

Герой

Раскаялся, свершивши новый подвигъ.

Сильва.

Сознаться въ заблужденьѣ не постыдно.

Уріель.

Заблудшій я передъ самимъ собой,
Предъ вашими священниками—правый.

Сильва.

Священникъ покаяніе приѣмлетъ
Не для себя.

Уріель.

Для Бога? Путь къ нему
Я самъ найду.

Сильва

Ахъ, Уріель, вотъ это
И больно такъ мнѣ видѣть въ васъ—всегда
Безцѣльное отыскиванье чести
Тамъ, гдѣ о ней и рѣчи вовсе нѣтъ!
Раскаянье людское развѣ нужно
Для Бога? Нѣтъ, оно имѣетъ вѣсь
Для общаго порядка мірового,
Разстроенной гармоніи всего
Живущаго—и для него то служить
Проводникомъ слухъ пастыря... Взгляните
На эту всю машину, это *все*—
И на себя! Чтѣ вы? Песчинка, атомъ
Въ безмѣрности созданья...

Уріель.

Для себя

Я самъ—весь міръ.

Сильва.

Да, если раздуться

Начнете вы.

Уріель.

Такъ, стало быть, и вся

Вселенная—хвастливый нуль.

Сильва.

Свободнымъ

Себя считать привыкли вы; своимъ
Мышленіемъ кичитесь горделиво;
А я—когда пыливо я гляжу
Въ природы жизнь, въ смерть зимнюю, въ приволье
Весеннее, въ поблекшую красу
Осеннихъ дней, когда я приставляю
Къ глазамъ стекло, чтобъ различить пятно
Тамъ, высоко, на огненномъ Сатурнѣ—
То чувствую, что я, и вы, и всякій,
Какъ существа отдѣльныя—ничто;
Что мы живемъ, какъ звенья общей цѣпи,
Свободны лишь въ законѣ міровомъ.
Разъ, что въ душѣ составитя моей
Сознаніе такое, не могу я
На столько подчинить мой здравый смыслъ
Тому, во что отцы и дѣды наши

Ужъ вѣрили, что цѣлыя вѣка
Незыблемо стояло—не могу я
На столько подчинить, чтобъ не сказать:
„Все это—заблужденье, *можетъ статься*“.
Но Уріель, вѣдь сколько тысячъ лѣтъ
Оно живетъ, и сколько миллионовъ,
Въ его сопровожденіи, прошли
Черезъ горести житейскія, до гроба!
А вѣрованье ваше, Уріель,
Доставило ль хоть одному отраду?
По совѣсти скажите—даже вы,
Вы сами въ немъ нашли ли развѣ счастье?

У р і е л ь .

Возможно, Сильва; очень это все
Возможно: да, быть можетъ, справедливо
Звать палку ту, которая слѣпцу
Указывала путь въ теченье слишкомъ
Трехъ тысячъ лѣтъ, его открытымъ, зрячимъ,
Неомраченнымъ глазомъ. Палка та
Слѣпому помогаетъ щупать, трогать,
Идти, не спотыкаячись; она—
Его глаза... Но вдругъ во тьму слѣплого
Борвался лучъ, слѣпой прозрѣлъ, слѣпой
Не палкою, а зрячимъ глазомъ видитъ;
Съ невѣдомымъ блаженствомъ онъ глядитъ
На солнце лучезарное. Сначала
Оно слѣпится, сначала для него
Все—чудная новинка; онъ не можетъ
По имени назвать все то что видитъ;
Онъ щупаетъ предметы; онъ не разъ

Споткнется; глазъ его новорожденный
Еще не пріобрѣлъ, само собой,
Тысячелѣтній навикъ палки—навикъ,
Что такъ темно и смутно понималъ
Свой темный міръ... Но Сильва, неужели
Изъ-за того, что правда не даетъ
Немедленно всѣхъ удовольствій жизни,
Что *первыя* движенія и шаги
Прозрѣвшаго нетверды—неужели
Изъ-за того онъ долженъ называть
Свой первый взглядъ въ исполненную силы,
Цвѣтущую, невѣдомую жизнь—
Печальнымъ заблужденіемъ, и первый
Крикъ радости прозрѣвшаго—грѣхомъ?
Нѣтъ, Сильва, нѣтъ! Какъ сильно ни болѣли бѣ
Отъ солнечныхъ лучей мои глаза
Воскресшіе—отъ этой боли правды
Я никогда, нигдѣ не откажусь!

Сильва.

Идите же своимъ путемъ! За вами
Послѣдуетъ проклятiе. Юдифъ
Де-Сантоса вторично не рѣшится
Назвать лжецомъ; въ могилу не сведетъ
Она отца и не уйдетъ за вами
Въ далекіе лѣса. Прощайте!.. (*Идетъ и останавливается.*)

Мнѣ,

При вашемъ разсужденіи о слѣпотствѣ,
Пришла на мысль слѣпая ваша мать...

(*Опять идетъ и снова возвращается.*)

Акоста! Глубоко въ народѣ нашемъ
Укоренилась мощь семейныхъ узъ.
Случалось, о да, въ бывшее время
Случалось, что отрывалась вѣтвь
Отъ дерева любви; такъ отъ Давида
Отпалъ Авессаломъ... Но послѣ, послѣ,
Въ изгнаніи, когда тяжелый гнетъ
На насъ лежалъ, когда въ страданьяхъ нашихъ
Одно лишь утѣшенье было—мысль,
Что любить насъ по крайней мѣрѣ, дѣти,
Что насъ хранить, заботится о насъ
Старикъ-отецъ, что братомъ называетъ
Насъ братъ родной—тогда еще тѣснѣй
Сплотились мы въ союзъ благоговѣнья
Къ священному родному очагу.
Мы жертвовать не затруднялись нашей
Свободою, щадили предразсудки
И слабости родителей своихъ,
И для того, чтобы одно отвергнуть,
Другое взять или сдѣлать—ждали мы
Не зрѣлости годовъ своихъ, а смерти
Родимыхъ стариковъ: тогда — свобода!
Тогда иди и смѣло водружай
Твоихъ надеждъ, *твоихъ* стремленій знамя!..
О, Уріель, ужели это все
Вы призракомъ считаете? Ужели
У васъ въ душѣ нѣтъ жалости къ чужимъ
Страданіямъ? къ любви Юдифи? къ горю
Ея отца? Я умоляю васъ,
Подумайте, рѣшите—кто въ васъ долженъ
Побѣду одержать: свободный умъ

Иль любящее сердце? Испытайте
Себя въ душѣ и поступите такъ,
Какъ повелитъ вамъ голосъ благородства. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Уріель (одинъ), потомъ **Симонъ**.

Уріель.

Что повелитъ мнѣ этотъ голосъ?.. Нѣтъ,
Не скажетъ онъ, что правда предъ любовью
Должна склонить оружье. Я люблю,
Люблю Юдифь, но на себя съ презрѣньемъ
Смотрѣть бы сталъ, когда бъ, какъ мягкій воскъ,
Растаялъ я, когда бъ я превратился
Въ нелѣпаго аркадца-пастушка,
Вдыхателя изъ нѣжненькихъ идиллій!
Увѣровать сначала—и потомъ
Ото всего отречься? Малодушно
Передъ самимъ собой явиться трусомъ—
Клятвопреступникомъ? Нѣтъ, никогда!
Краса души, честь наша—убѣжденіе;
Оно для насъ—почетный крестъ, на грудь
Повѣщенный не царскою рукою,
Не орденскимъ канитуломъ; оно
Въ рукахъ бойца есть знамя то, съ которымъ
Позорно онъ не упадетъ; оно
Бѣднѣйшаго въ толпѣ возводитъ въ знатность

И гербъ ему даетъ, который онъ
Позорить самъ и разбиваетъ, если
Отступникомъ становится... Въ себѣ
Повременамъ я слышу голосъ: „Сердце
Надежнѣе разсудка для тебя;
Любовь, какъ мысль, не можетъ заблуждаться...“
Но поступать пначе я не въ силахъ!
Здѣсь рыцарская гордость: шпоры мнѣ
Она даетъ и смолкнуть заставляетъ
Постыдный страхъ... Коль заблуждаюсь я,
То ни предъ чѣмъ инымъ, какъ передъ правдой.
Священникамъ не вынудить во мнѣ
Сознанья въ заблужденіи! (*идетъ къ дверямъ*).

С и м о н ъ (*за дверью*).

Войдите!

Мы барышнѣ доложимъ.

У р і е л ь.

Голоса!..

Для набожной души, для лицемѣра,
Мой видъ теперь—ужасный видъ!..

С и м о н ъ (*за дверью*).

Сюда

Пожалуйте; здѣсь въ залѣ подождите! (*дверь отворяется*)

У р і е л ь (*увидя входящихъ*).

О, Боже всемогущій!.. Мать моя!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Эсфирь, Акоста, Рувимъ, Иоэль, Уріель (Эсфирь слѣпа и ее ведутъ подъ руки оба брата Уріеля).

Рувимъ.

Здѣсь, матушка, присядьте... *(сажаетъ ее въ кресло).*

Эсфирь.

Но придетъ ли

Она сюда?

Иоэль.

Я наши имена

Покамѣсть скрылъ.

Эсфирь.

О, если бы я видѣть

Ее могла!

Уріель

(становясь передъ ней на колѣни).

Родная!..

Эсфирь.

Уріель!

Ты? Это ты... Твою я слышу руку...

Уріель.

Проклятаго ты узнаешь еще?

Эсфирь.

Вотъ волосы твои... и борода...

И щеки... и по нимъ струятся слезы...

Да, это ты!.. Проклятье ничего

Въ тебѣ не измѣнило.

Рувимъ (*мрачно*).

Для Юдифи,
Братъ, мы пришли. Хотѣла наша мать
Ту женщину, что смѣло такъ создалась
Въ любви къ тебѣ,—хотѣла дочь свою...

Уриель.

Увидѣть? О, Рувимъ, скажи: увидѣть!
Ахъ, если бы глазами ты могла
Ее узнать!

Эсфирь.

Я слышала—прекрасна
Она лицомъ, но, Уриель, прекраснѣй
Тѣхъ прелестей, что увядать должны,
Ея любовь: въ твоёмъ несчастьи смѣло
Она себя твоею назвала...

Уриель.

Сказали ль ей, что вы пришли? Давно ужъ
Хотѣлось ей увидѣть мать мою—
Но я не соглашался... Мнѣ блаженство
Назвать ее моею не суждено.

Эсфирь.

Заранѣе я это знала.

Уриель.

Знала?

Но почему?

Іоэль.

Мать этимъ хочетъ то
Сказать, что васъ должно твое проклятье
Разъединить. Объ отреченьѣ здѣсь
Еще нигдѣ не слышно.

Рувимъ.

Мы собрались
Сюда еще и потому, что намъ
Путь предстоитъ изъ Амстердама въ Гагу,
Гдѣ съ матушкой мы поселимся.

Уріель.

Вы?

Изъ Амстердама въ Гагу? Съ нашей старой,
Слѣпою матушкой?

Эсфирь.

Ахъ, для меня
Не все ль равно? *Тамъ* мнѣ казаться будетъ,
Что я все *тутъ*... Какъ будто мнѣ и здѣсь
Не грезилось, что снова я на Таго!..

Уріель.

Но что же вдругъ случилось? Для чего
Вамъ уѣзжать?

Іоэль.

Прости... мой братъ...

Э с ф и р ь.

Молчите!

Р у в и м ь.

Торговья дѣла, что отъ отца
Въ наслѣдство намъ достались, стали быстро
Идти впередъ...

У р і е л ь.

Ну, да, и ты—лице
Извѣстное, почетное на биржѣ..

Р у в и м ь.

И вдругъ—теперь...

У р і е л ь.

Васъ притѣсняють? Да?
Изъ-за меня?

Г о э л ь.

Повидимому, дѣло
Къ тому идетъ. Враги твои, понявъ,
Что на тебя проклятіе не сильно
Подѣйствуетъ и твоего пути
Не заградить, хотятъ свою побѣду
Хоть чѣмъ-нибудь отпраздновать—и вотъ,
На насъ они обрушились жестоко!

Э с ф и р ь.

Не на меня, мой сынъ, не на меня!

Рувимъ.

Мы стѣснены во всемъ; насъ избѣгаютъ,
Намъ отвѣчать на слово, на поклонъ
Страшится всѣ, а при такихъ условьяхъ
Возможно-ли торговлѣ и дѣламъ
Идти впередъ? И мы рѣшили—ѣхать.

Уріель (*про себя*).

О, Агасферъ!

Эсфирь.

Я въ дальній путь плетусь
Съ охотою, хотя бы приходилось
Плыть за моря, какъ въ старыя года;
Но пользы въ томъ немного! Ты не можешь,
Мой Уріель, свободу находить
Тамъ, гдѣ живутъ евреи... И когда
Мой смертный часъ наступитъ... Знаешь, часто
Я думаю, что если смерть глаза
У зрячаго навѣки закрываетъ,
То у меня она откроетъ ихъ,
И прежній блескъ засвѣтится, и снова
Моихъ дѣтей увижу... Но тебя—
Тебя искать глаза напрасно будутъ...
Однако, дочь Манассе не идетъ...

Гоэль.

Цверь стукнула...

Рувимъ.

Я слышу шорохъ платья...

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ-же и Юдифь.

Ю д и ф ь.

Увидѣться со мной желали вы,
Почтеннѣйшіе господа, и эта
Достойная старушка...

(Смотритъ на всѣхъ; минутная пауза).

Уриель!..

Здѣсь... Наша мать!.. *(цѣлуетъ у нея руки).*

Э с ф и р ь.

Нѣтъ, нѣтъ... Позволь мнѣ, ангель,
Мнѣ цѣловать лице твое...

Ю д и ф ь.

Давно,

Давно уже у васъ благословенье
Я испросить хотѣла, на лицѣ
У васъ найти стремилась образъ сына,
Изъ сыновей прекраснѣйшаго.

Э с ф и р ь.

Такъ!

Такъ, дочь моя, хвали его! за это
Тебя люблю!..

Ю д и ф ь.

Ахъ, матушка, придетъ
Пора, когда преклонятся съ почтеньемъ
Всѣ передъ нимъ—а до того имѣеть
Онъ насъ.

Э с ф и р ь.

О, какъ плѣнительно звучать
Твои слова! А образъ твой мерцаетъ
Въ слѣпыхъ глазахъ... И что жъ? Когда придетъ
Мой смертный часъ, я Уріеля даже
Тебѣ не завѣщаю...

Ю д и ф ь.

Даже мнѣ?

Его женѣ?

Э с ф и р ь.

Его женѣ? Женою

Не будешь ты... Дитя, не огорчай
Родителя; не убѣгай изъ дома
Отцовскаго... ты у отца одна—
Манассе дочь одну, одну имѣеть!

Ю д и ф ь.

Какъ?.. Уріель?.. Чтò говоритъ она?..
Ты... стало быгь... ты отказаль... .

(Долго смотритъ на него, съ отчаяніемъ).

О, Боже!

Прости меня: дерзнула вѣрить я,

Что за любовь такую можно счастье
Здѣсь на землѣ въ награду получить!

(Падаютъ къ ногамъ Эсфири).

У р і е л ь.

(борется съ собою. Онъ въ волненіи смотритъ на мать, Юдифь, братьевъ, которые печально стоятъ за кресломъ матери; въ сторону).

О, Сильва, да, ты правъ! Въ народѣ нашемъ
Укоренилась мощь семейныхъ узъ. *(Съ дикимъ
отчаяніемъ).*

Да что же вы молчите? Говорите!
Не вынесу я пытки...

Ю д и ф ь.

Мать моя!

Онъ больше насъ не любить...

У р і е л ь.

Ядъ смертельный

Въ моей груди... Какъ раненому звѣрю
Хотѣлось бы кричать... О, не смотрите
Съ такой мольбой!.. Тѣ слезы, что теперь
Въ отчаянѣ вы льете—радость, счастье
Въ сравненіи съ огнемъ, который жжетъ
Мои глаза сухіе... Вы молчите?..
Вы смотрите печально?.. Отъ меня
Вы подвига ужаснѣйшаго ждете!..
Чтобъ разумъ мой принесъ я въ жертву сердцу,
Святое убѣжденіе—любви?..
О, гордый духъ! къ чему встаешь такъ дико

Ты на дыбы?.. Чудовище, смирись,
Не скрежещи неистово зубами...
Стань червякомъ!.. Ползи, согнись къ землѣ...
Да ниже... ниже... ниже... О, проклятье!
Вотъ онъ, вотъ онъ, безмолвный взглядъ любви!
Какъ отъ него спастись?.. Гдѣ взять защиту
Отъ глазъ нѣмыхъ?.. Закройте-же глаза!..
Слѣная мать, закрой глаза... Довольно...
Оставьте... я иду... иду... иду!.. (*въ отчаяніи убѣ-
гаетъ*).

Ю д и ф ь.

Для матери своей принесть онъ жертву

Э с ф и р ь.

Нѣтъ, для тебя.

І о з ь л ь.

Благослови Господь
Сей день и часъ! Онъ отречется...

Э с ф и р ь.

Сынъ мой!

Пустите же меня! къ нему!.. Дитя,
Пусти меня! Я милаго должна
Облобызать... Мой Уріель... Пустите!..
Да у кого жъ хватаетъ духу быть
Его врагомъ? Гдѣ вы найдете душу
Прекраснѣе его души?.. Идемъ,
Идемъ скорѣй!.. И будемъ громко, всюду,
На улицахъ, кричать: „Вы всѣ, смотрите!
Вотъ это сынъ, который любитъ мать“!
(*Быстро уходитъ, уводимая Рувимомъ и Іозелемъ*).

Ю д и ф ь (*одна у окна*).

Онъ во дворѣ... Онъ плащъ едва накинулъ...
Стремительно бѣжитъ безъ шляпы... Вотъ
На улицѣ... Остановился... Боже!
Направо иль налево?.. Медлитъ онъ...
Нѣтъ, нѣтъ... пошелъ... направо—къ синагогѣ!

(Отходитъ отъ окна).

И это все внезапно такъ!.. И я—
Виновница, быть можетъ... Такъ внезапно—
И... черезчуръ поспѣшно, можетъ быть...
О, Господи! Чтò если онъ, свершивши,
Раскается!.. Отъ страшной мысли—ледъ
Въ моей крови!.. Да неужели свыше
Такъ суждено, чтобъ женщина была
Проклятиемъ мужчины вѣчнымъ, вѣчнымъ,
До мелкости ничтожной духъ его
Отъ первыхъ дней созданья поводившимъ?..
Какъ мертво-тусклъ былъ взглядъ его!.. Рука
Холодная... дрожащія колѣни..

(Стремительно бѣжитъ къ окну).

Остановись... Аюста... воротись!
Нѣтъ, поздно! О, неотразимый рокъ!
За этотъ грѣхъ не наказуй насъ строго!

(Падаетъ въ кресло).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ синагогѣ.

Низкая комната; направо и налево открытыя двери. На стѣнахъ нарисованы скрижали закона, съ еврейскими буквами. Въ глубинѣ большой занавѣсъ отдѣляетъ комнату отъ внутренности синагоги, которая открывается уже впоследствии.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ **Сантось** и **де-Сильва**; потомъ **слуга**.

Сильва.

И никого за это время вы
Къ нему не допускали?

Сантось.

Постоянно

Онъ былъ одинъ, какъ и велить законъ...
Придя сюда и стукнувъ въ двери храма,
Почуялъ онъ конечно божій персть.

Сильва.

Каменьями персть божій не кидаетъ.

Сантось.

Но гнѣвъ его народа далъ ему
Почувствовать все то, что онъ упорно
Самъ чувствовать себѣ не позволялъ.
Осмѣянный, изнеможенный, въ платьѣ
Издранномъ, упалъ онъ во дворѣ—
И вотъ теперь въ уединенѣ строгомъ,
Оторванный ото всего, что въ немъ
Могло бы созерцаніе нарушить,
Свободы ждетъ и примиренья.

Сильва.

Ахъ,
Дай Богъ, чтобъ онъ дождался ихъ!... Сказали ль
Ему, что мать его больна?

Сантось.

Войти
Для этого къ нему хотѣли братья...
Но вѣсть о томъ встревожила бъ его,
Могла бъ ему, пожалуй, показаться
Послѣдствіемъ проклятія.

Сильва (*въ сторону*)

Какая
Высокая заботливость!

Сантось.

Юдифъ,
Манассе дочь, пророчица Ваала,

Такъ дерзостно проклятіе мое.
Презрѣвшая, не разъ просила тоже
Пустить ее...

Сильва.

И ей, какъ и другимъ,
Отказано?... Весь Амстердамъ наполненъ
Ужаснѣйшею вѣстью о второмъ
Банкротствѣ Вандерстратена! Иохан,
Какъ членъ одной изъ богатѣйшихъ фирмъ,
Устроилъ все, признаться, очень ловко.
Мечтательною жизнью жилъ мой тестъ
Въ своемъ саду, среди своихъ фонтановъ,
Картинъ, статуй, привычной колеи
Не покидалъ и пользовался мирно
Солидными доходами... Какъ вдругъ
Отвергнутый женихъ, торговецъ ловкій
Изъ молодыхъ, искусниковъ, ему
Протягиваетъ сѣть, какую нынче
Въ Венеціи иль въ Лондонѣ плетутъ,
Когда хотятъ торговый міръ, какъ стаю
Борзыхъ собакъ, свирѣпо натравить
На одного... Манассе погибаетъ—
И вотъ теперь Иохан, въ чьей душѣ
Любовный пылъ не загасила злоба,
Несчастьемъ, отчаяньемъ его
Воспользоваться хочетъ, хочетъ руку
Для мирнаго рѣшенья протянуть.
Но тутъ одно возможно. Въ правѣ ль медлить
Юдифь, когда ей надо для отца
Пожертвовать собою? Въ правѣ ль будетъ

Она поколебаться предъ страшнѣйшимъ
Мученіемъ—измѣной другу, даже
Предъ собственною смертию, чтобъ спасти
Того, кто жить не можетъ, если счастья
Лишился онъ, въ которомъ прежде жилъ?
То самое, чего отъ Уріеля
Она ждала—чтобъ ради милой сердца,
И матери, и братьевъ онъ отрекся—
Она должна теперь сама свершить
Для старика-отца. И все, все это
Вы скрыли отъ него?

Сантосъ.

Пока искусь
Не кончится, отъ всяческихъ сношеній,
Словесныхъ ли, иль письменныхъ, съ людьми,
Повелѣно воздерживаться строго. (*Слуга входитъ съ пись-
момъ*).

Слуга.

Письмо Акостѣ.

Сантосъ.

Развѣ ты не зналъ,
Что принимать нельзя?

Слуга.

Одинъ изъ братьевъ
Его принесъ и со слезами молить
Скорѣй отдать.

Сантось.

Возьми назадъ письмо.
Законъ не дозволяетъ въ стѣны кельи,
Гдѣ кается преступникъ, проникать
Извѣстіямъ изъ міра. *(Слуга уходитъ съ письмомъ).*

Сильва.

Гдѣ же это
Написано? Препятствуете вы,
Чтобъ тихій вздохъ къ несчастному проникнулъ?
Вамъ хочется, чтобъ онъ узнать не могъ
Про тяжкія страданія Юдифи,
Манассе разоренье? Хорошо
Вы знаете, что онъ на отреченье
Рѣшается для матери своей,
Для дѣвушки возлюбленной; такъ честно ль,
Скажите мнѣ, то отъ него таить,
Что шлютъ къ нему любовь въ порывѣ горя
Великаго и матери душа,
Разбитая страданьемъ?

Сантось.

Посмотрите,
Сюда идетъ Акиба; прожилъ онъ
Почти сто лѣтъ, а преданность къ закону
И правиламъ и сила вѣры въ немъ
Поддерживаютъ молодость... Акость
Онъ форму отреченья самъ вручить.
Идите вы покамѣсть въ синагогу

Къ молящимся. Черезъ нѣсколько часовъ
Утишится томленье въ вашемъ сердцѣ.

Сильва.

Я ухожу, но мудро поступать
Совѣтую съ несущимъ покаянье,
Котораго, по моему, должны
Вы всѣ благодарить: вѣдь подчиненье
Такого человѣка укрѣпить
Еще сильнѣй раввинства обаянье!
Желаю я, чтобъ этотъ день добромъ
Окончился и чтобъ не приходилось
Вамъ каяться въ раскаяньи его! *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Раввинъ **Бенъ-Акиба**, ведомый подъ руки двумя
молодыми раввинами: раввинъ **ванъ-деръ-Эмбденъ**,
съ пергаментнымъ свиткомъ въ рукахъ; **Сантосъ**;
потомъ **Уріель**.

Акиба

(котораго подвели къ почетному креслу у стола).

Готовъ ли отреченья актъ, ванъ-Эмбденъ?

Эмбденъ.

Достойнѣйшій Акиба, вотъ онъ, здѣсь,
Написанъ на пергаментѣ.

Акиба.

Пускай же

Приемлющій раскаянье сюда
Въ послѣдній разъ войдетъ. Вы всѣ садитесь
Вокругъ меня и вѣрьте—это все
Уже не разъ бывало.

Сантось.

Вотъ Акоста.

Аниба.

Да, всякое бывало! Сядьте, братья!
Ванъ-Эмбденъ пусть записываетъ все,
А то слова вѣдь въ воздухъ улетаютъ...
Да, всякое бывало, вѣрьте мнѣ,
Почтенные отцы! Эпикурейцы,
Раскольники, сектаторы—все это
Новинкою считаетъ молодежь!
Новинкою—а это все бывало,
Повѣрьте мнѣ: въ талмудѣ нашемъ такъ
Написано... Да, всякое бывало!
(Входитъ Уриель, блѣдный и изнеможенный).

Аниба.

Садитесь, Уриель! Вонъ тамъ стоитъ—
Не правда ли, вѣдь я не ошибаюсь?—
Тамъ стулъ стоитъ, раввины?... Что?... Садитесь!
Вы знаете, мнѣ девяносто лѣтъ...
А въ девяносто лѣтъ устанутъ ноги...
Да, устаютъ... Садитесь же... (Садится).

Сантось.

Акоста,

Кратчайшій срокъ избрали вы себѣ.

Акиба.

Де-Сантось, погодите! Съ Уриелемъ
Бесѣдовать Акиба долженъ здѣсь...
Да, всякое бывало!... Ну, вотъ видишь,
Мой молодой Акоста: двѣ дороги
Всегда существовали для людей
Сомнѣнія, когда ужъ пресыщались
Сомнѣніемъ они: одна изъ нихъ—
Короткая, но жесткая; другая—
Не такъ тяжка, но будетъ подлиннѣй.

Уриель.

Короткую, короткую! Убейте,
Но только поскорѣ! Дайте мнѣ
Такъ умереть, чтобъ времени не стало
Одуматься!

Акиба.

Ну, вотъ, ну, вотъ! Къ чему
Торопишь ты такъ ноги молодья?
До отдыха еще имъ далеко,
Онѣ еще не разъ сослужать службу!
Раскаянье твое вѣдь не для насъ,
А для тебя необходимо! Что же
Такъ бѣшено спѣшить? Изъ-за меня
Раскаяньемъ нѣтъ нужды торопиться:
Мнѣ не дожить—такъ будетъ видѣть Богъ.

Уриель.

Да сколько жъ разъ, да вѣчно, что ли, надо

То повторять, въ чемъ признаваль себя
Виновнымъ я ужъ слишкомъ, слишкомъ часто?

А к и б а.

Нѣтъ, нѣтъ! Въ талмудъ, въ посты и въ очищенье,
Я знаю, ты не вѣруешь... Оно
Бывало такъ всегда, всегда бывало...
И потому въ послѣдній разъ къ тебѣ
Съ вопросомъ обращаюсь: сознаешь ли
Отъ всей души, что ты изрекъ хулу
На Господа твоею книгой?

У р и е л ь.

Бога,
Который есть евреевъ только Богъ,
Я часто оскорблялъ и никогда
Не понималъ—объ этомъ въ протоколѣ
У васъ давно записано.

С а н т о с ь.

Все то,
Въ чемъ сознавался ты—фальшиво, ложно,
Двусмысленно, софизмы! Докажи
Намъ истину того, во что ты вѣришь,
Во что хотѣлъ ты выказать себя
Увѣровавшимъ.

А к и б а.

Доказать, де-Сантось?
Что это вы сказали? Доказать?

Такъ дѣйствовать съ больнымъ отнюдь не должно!
Да развѣ есть возможность—то, во что
Мы вѣруемъ, доказывать? Де-Сантось,
Простите мнѣ—но иногда и вы
Являетесь эпикурейцемъ сами!
Доказывать! Прошу покорно! Солнце
Доказано: оно блеститъ. Огонь
Доказанъ: онъ сжигаетъ. Откровенье
Доказано: написано оно
Въ исторіи завѣта. Доказательствъ
Я не хочу ни отъ кого изъ васъ.

Эмбденъ (*Уріелю*).

Такъ просто намъ скажи, во что ты вѣришь?

Уріель.

Я ужъ сказалъ—я повторилъ не разъ.
Я вѣрую, что Богъ избралъ евреевъ
Возлюбленнымъ народомъ, только имъ
Являть свой ликъ, имъ только подавалъ
Таинственные знаки, только съ ними
Въ сношеньяхъ былъ, къ нимъ только говорилъ
И написалъ для нихъ лишь откровенье,
Гдѣ слово каждое, малѣйшій штрихъ
Мы принимать должны за разумъ Бога.
Я вѣрую, что въ заблужденіе ввелъ
Меня мой умъ, что толкованье буквы
Не можетъ быть допущено, что мы
Обсуживать не смѣемъ слово Божье.
Такъ, снова повторяю, въ это все
Я вѣрую и, вѣруя на вѣру,

Сердечно васъ благодарю за то,
Что вы меня отъ всякихъ доказательствъ
Избавили.

Сантосъ.

Признаніе твое
Свидѣтельствуешь только о гордынѣ.

Акиба.

Акоста, избери ты длинный путь!
Тогда все то, въ чемъ здѣсь ты сознаешься,
Въ тайникъ души прольется съ устъ твоихъ.
Мой добрый сынъ, возьми, возьми дорогу
Длиннѣйшую—и, вѣрь мнѣ, тихій миръ
Она внесетъ въ твою больную душу!
У скептиковъ такихъ, какъ ты, всему
Препятствуетъ безумнѣйшая жажда
Познанія; возьми талмудъ—найдешь
Ты многихъ тамъ, что сильно заблуждались
Лишь потому, что много знали...

(Обращаясь и къ другимъ раввинамъ).

Да,

Жилъ нѣкогда, давно, великій скептикъ—
Элиза бенъ-Абуя звался. Онъ
Ученикомъ былъ одного изъ нашихъ
Ученѣйшихъ раввиновъ, а его
Ученикомъ былъ мудрый рабби Мегиръ.
И вотъ, за то, что сомнѣвался онъ, *(встаетъ)*
Народъ проклялъ его... Былъ бенъ-Абуя
Въ такомъ же положеньѣ, какъ и ты.
Лишь съ ужасомъ и отвращеньемъ имя

Его произносилося, и былъ
Онъ прозванъ *ахеръ*; ахеръ—это значить
Иной; талмудъ иначе никогда
Его не называлъ, *инымъ* остался
Элиза бенъ-Абуя, и когда
Скончался онъ, вдругъ изъ его могилы
Поднялся дымъ, и шелъ онъ долго, долго,
Покамѣсть рабби Мегиръ, ученикъ
Усопшаго, молитвами своими
Не облегчилъ загробныхъ мукъ его,
Онъ, ученикъ, молился съ теплой вѣрой
За своего учителя и дымъ
Разсѣялся навѣкъ. Такой же ахеръ
Ты, Уріель!! Да, всякое бывало!. (*Садится*).

Уріель.

Да развѣ я на славу новизны
Претендовалъ?.. Дымъ ахера былъ пламя
Его души, духъ огненный его,
Который вы въ могилу схоронили.
Я ахеръ, да, вы правы; я *иной*,
Всегда иной—затѣмъ, что только въ этомъ
Иномъ существованіи залогъ
Движенья безконечнаго... Талмудъ
Не можетъ обойтись безъ толкованій,
И потому послушайте мое:
Я думаю, вашъ ахеръ никогда
На свѣтѣ не жилъ; ахеръ—это символъ
Мышленья чистаго: вѣдь только въ томъ,
Что есть *не я*, въ *иномъ* могу я видѣть,
Каковъ я самъ, и понимать свое

Отличіе, и собственную правду
Распознавать. *Иное*—это символъ
Священнѣйшій сомнѣнія, а вѣра
Питается сомнѣньемъ. Вашъ талмудъ
Умнѣ васъ конечно; потому-то
Онъ ахеру, который образъ, мифъ,
Не болѣе, дасть одновременно
Мудрѣйшаго учителя и съ нимъ—
Ученика еще мудрѣй; и оба
Они религіозны, потому
Что набожность творится лишь сомнѣньемъ.

Акиба.

Де-Сантось! Такъ ли это слышаль я?
Элиза бенъ-Абуя нѣ жилъ, нѣ жилъ?..
Дѣйствительно живое, человѣкъ,
Талмудомъ признанный—ничто иное,
Какъ образъ, мифъ?.. И то, что плоть и кровь
Для вѣрующихъ душъ, что всякій можетъ
И осязать, и видѣть, это все—
Лишь облака, созданія тумана,
Впослѣдствіи ужъ человѣка видъ
Принявшія?.. Нѣтъ, слишкомъ, слишкомъ ново
Понятіе такое; искупить
Раскаяньемъ его необходимо...
Подайте отреченья актъ ему!

Сантось (*отдавая Уріелю бумагу*).

Одна судьба способна васъ заставить
Склонить главу; смиренье—никогда.
Тому, что здѣсь сознали вы устами,

По прежнему вашъ духъ надменный чуждъ.
(Указывая на заднюю часть сцены).

Тамъ, гдѣ кивотъ, передъ лицомъ народа,
Что началъ ужъ собираться, вы должны
Прочестъ грѣхи, въ которыхъ такъ притворно
Себя вы обвиняете.

Уріель.

Уже

Собирается? Передъ лицомъ народа?

Акиба.

Сперва наединѣ прочтите то,
Что предстоитъ провозгласить вамъ ясно,
Отчетливо, предъ общиною всей...
Ну, ну! Поди жъ, придумаль: ахеръ нѣ жилъ!
Да вы-то вѣдь живете? Отчего жъ
Вамъ хочется Абую сдѣлать мифомъ?

Уріель.

О, да, вы слишкомъ правы! Я живу!

Акиба.

Ну, то-то же! Такъ, значитъ, жилъ и ахеръ!
Да, да, мой сынъ, иди и отрекись
Лишь для того, чтобъ умъ твой сталъ трезвѣ—
И начинай потомъ читать талмудъ
Прилежнѣ!.. Всѣ скептики на свѣтѣ
Кончали отреченьемъ... Только тамъ,
На небесахъ, есть новое... А здѣсь

Бывало все, да, всякое бывало!.. (*Уходя*).
И не забудь—талмудъ, талмудъ читать,
Да только поприлежнѣй, юный ахеръ!..
Бывало все..! охъ, всякое бывало! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Уріель (одинъ), потомъ **Рувимъ**.

Уріель (*смотря на пергаментъ*).

Позорное признанье! Въ грудь мою
Ты ранами кровавыми вписалось
И въ ней стоишь недвижнѣй, чѣмъ на этомъ
Пергаментѣ, гдѣ языками змѣй,
И черными ножами, и стрѣлами
Начертаннымъ тебя увидѣлъ я!..
О, этихъ ранъ ужь никакой бальзамъ
Не исцѣлитъ. А еслибъ и случилось,
Что зажили отъ времени онѣ,
То шрамы ихъ, увы, не будутъ шрамы
Почетные безстрашнаго бойца!..
Въ моей тюрьмѣ, сегодня ночью, снилась
Мнѣ мать моя. Вся кротостью дыша,
Родимая пришла меня утѣшить,
А рядомъ съ ней, въ сіяньѣ лучезарномъ --
Моя Юдифь... Проснулся я .. опять
Передо мной тюрьмы нагія стѣны,
И бѣшенство почуялъ я въ душѣ,
Какъ Галилей!.. Да, Галилей! Подъ пыткой
Ты долженъ былъ сознаться, что земля

Не движется; но чуть минутный роздыхъ
Быль дань тебѣ, ты на ноги вскочилъ
И пронеслись предъ сонмомъ кардиналовъ,
Какъ громовой раскатъ, твои слова:
„А все-таки она вертится!“
„А все-таки она вертится!“

Это мнѣ

Покою не даетъ ни на мгновенье,
И каждый мигъ я слышу, каждый мигъ
Въ моихъ ушахъ: „А все-таки вертится!
А все-таки вертится!“

(За сценой дѣтскій хоръ поетъ исалль).

Чу, поютъ!

О, эти голоса! О, звуки чистыхъ,
Невинныхъ душъ! Не зная, что творять,
Поютъ они, младенцы, ибсню мщенья...
Да неужли жъ такой законъ всего
Живущаго?.. О, всемогущій Боже,
Ты видишь ли, какъ пресмыкаюсь я?
Ты ль повелѣлъ, чтобъ съ неба не простерлась
Ничья рука несчастнаго спасти!..

Рувимъ *(за сценою)*.

Пустите же!.. Я видѣться съ нимъ долженъ!
Пустите!

Уриель.

Голосъ брата!

Рувимъ *(входитъ)*.

Уриель!

Уріель.

Братъ, мнѣ любовь нужна не *предъ* позоромъ,
Но *послѣ* посрамленья.

Рувимъ.

Не хотятъ
Насъ допускать къ тебѣ; на брата братьямъ
Взглянуть не позволяютъ!.. Уріель,
Остановись! Отъ имени семейства
Я прихожу—готовы мы терпѣть,
Мы не хотимъ насильно къ отреченью
Тебя склонять! Не дѣлай изъ-за насъ...

Уріель.

Я матушкѣ торжественно поклялся
И...

Рувимъ.

Матушкѣ! Увы! Когда она
Еще жила!.. Но, Уріель, движенье
Послѣднее ея закрытыхъ глазъ
Тебя вездѣ искавшее напрасно...

Уріель.

Что ты сказалъ? Скончалась!.. Наша мать?
Ея ужъ нѣтъ?..

Рувимъ.

Тебѣ не захотѣли
Мое письмо отдать, и я сюда

Насильственно ворвался... Да, мой милый,
Ея ужъ нѣтъ, нѣтъ тамъ, гдѣ можетъ насъ
Преслѣдовать проклятье!

Урїель.

Умерла!..

И все-таки—коли въ такой печали
Возможно утѣшенье, если можетъ
Въ слезахъ такихъ улыбка проглянуть—
Я все-таки готовъ быть благодарнымъ
Судьбѣ за то, что, умирая, мать
Очищеннымъ меня считала прежде,
Чѣмъ это совершилось; что смерть
Взяла ее, когда еще я столько
Не выстрадалъ...

Рувимъ.

Возьми назадъ свое
Рѣшеніе! Мы въ Гагу переѣдемъ
И новое, быть можетъ, счастье тамъ
Найдемъ себѣ...

Урїель.

Что ты сказать? Рѣшенье
Мнѣ взять назадъ? Рувимъ, ты знаешь, сердце
Мое не мнѣ принадлежитъ; одну
Лишь часть его я получилъ обратно
Отъ матушки; другая отдана... (*Звукъ рожка*).

Рувимъ (*удерживая Урїеля*).

Юдифи?..

Уріель.

Братъ! Пусти, пусти! Ты видишь—
 Меня зоветь безмолвный взглядъ любви! (*Быстро убѣ-
 гаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Занавѣсъ на заднемъ фонѣ отдергивается. Видна
 внутренность синагоги. Возвышеніе съ нѣсколькими
 ступенями ведетъ къ тому мѣсту, гдѣ хранится кивотъ.
 Комната ярко освѣщена. Въ скиніи сидятъ: **Сантось,**
Эмбденъ и два **раввина** съ покрывалами на голо-
 вахъ; **Уріель** и **Рувимъ**.

Сантось.

Предстань передъ кивотомъ, Уріель
 Агоста! Покаянья твоего
 Израиль ожидаетъ!

Рувимъ (*удерживая его*).

Братъ, постой,
 Постой... Юдифь...

Уріель.

Вотъ, вотъ оно, то имя,
 Чтò сдѣлалось моей судьбою!.. Ну,
 Трусливая нога, безъ колебаній.
 Впередъ... (*входитъ на ступени*).

Рувимъ.

О, страшная игра судьбы!
 Не знаетъ онъ, чтò въ домѣ у Манассе

Какъ разъ теперь свершается!.. Несчастный!
Для матери хотѣлъ отречься онъ—
Мать умерла! Онъ для невѣсты въ жертву
Себя принесъ—невѣста для него
Потеряна навѣкъ!

С а н т о с ь

(обращаясь во внутренность синагоги).

Внемли, Израиль,
И возликуй по всѣмъ странамъ земли!

У р і е л ь

(читаетъ актъ отреченья; вдали тихая музыка).

...Я, Уріель Акоста, португалець
Рожденіемъ, религіей—еврей,
Здѣсь признаю, передъ очами Бога,
Что милости Его не стою я.
Ужъ въ дѣтствѣ я устами исповѣдалъ
Религію Христа, но сердцемъ былъ
Враждебенъ ей. Затѣмъ, принявши снова,
Съ такимъ же лицемѣріемъ въ душѣ,
Религію Іакова, я не былъ
Христіанинъ и не былъ я еврей;
Тѣхъ и другихъ глубоко ненавидѣлъ,
Но больше ненавидѣлъ свой народъ;
Надъ всѣмъ, что чтитъ онъ, какъ свою святыню,
Смѣялся я; все, что закономъ намъ
Запрещено, я совершалъ охотно.
Гдѣ разумъ былъ безсиленъ для того,
Чтобъ облекать въ одежду правды мысли

Безбожнѣя, я прибѣгалъ къ насмѣшкѣ,
И написалъ я книгу, сатаной
Внушенную... Проклятыя написавшей
Ее рукѣ! она могла свести
Въ могилу мать!

Р у в и м ъ (*въ сторону*).

Ты въ этомъ неповиненъ!

У р і е л ь.

„Въ крови перо, которымъ книгу ту
Я написалъ. Все, что въ моемъ мышленьѣ
Я находилъ противнымъ нашей вѣрѣ—
Созданье лжи. Все то, что называлъ
Я разума источникомъ, сзывая
Всѣхъ жаждущихъ въ немъ жажду утолять—
Ничто иное, какъ вода въ корытѣ
Животныхъ тѣхъ, которыхъ презирать
Привыкли мы отъ дней давно минувшихъ.
Святое откровенье—слово усть
Всевышняго Создателя—я ложно
Истолковалъ; преступно извратилъ
Весь смыслъ его; словамъ пророковъ придалъ
Фальшивое значенье, находя
Во лжи моей безбожное злорадство...
*(Голосъ его слабѣетъ, онъ едва держится на ногахъ, равнины
поддерживаютъ его).*
И нынѣ я почувствовалъ себя
Такъ глубоко презрѣннымъ въ этомъ гордомъ
Тщеславіи, что искупить хочу
Раскаяньемъ заслуженную кару—

Проклятiе народа моего!
И для того, чтобъ доказать смиренье
Моей души, чтобъ доказать, что я
Гордынею предъ братьями моими
Не возношусь—какъ кающійся грѣшникъ
Здѣсь... предъ дверьми святаго храма... лягу
На землю я... и каждый пусть изъ васъ
Черезъ меня ногами... (*Падаютъ безъ чувствъ*).

Р у в и м ъ.

Что я слышу?

С а н т о с ъ (*беретъ бумагу и читаетъ*).

„Здѣсь, передъ дверьми святаго храма, лягу
На землю я, и каждый пусть изъ васъ
Черезъ меня ногами переступить!“

Р у в и м ъ (*внѣ себя*).

Прочь! Иль меня растопчете вы съ нимъ!
(*Стремительно убѣгаетъ. Урiеля, между тѣмъ, унесли въ синагогу. Раввины слѣдуютъ за нимъ. Въмѣсто музыки, въ синагогѣ слышны молящiеся голоса*).

Я В Л Е Н I Е V.

Юхαι и де-Сильва (*быстро выходятъ*).

С и л ь в а.

Что вы хотите дѣлать, Бенъ-Юхαι?
Не стыдно ли? Одумайтесь! Ужели
Такъ помутить вашъ умъ избытокъ счастья?

Ю х а и (*смотря на сцену*).

Вотъ, онъ, гордецъ! Чтò, сладко, хорошо
Во прахъ пресмыкаться? Пусть услышитъ,
Пусть, ползая въ пыли, услышитъ онъ,
Что не совсѣмъ расцетъ-то вышель вѣренъ!
Для призрака пустаго ты собой
Пожертвовалъ! Юдифъ—моя, и пальма
Въ ея рукъ цвѣтетъ не для тебя! (*Уходитъ*).

Сантосъ (*стоя на ступеняхъ*).

О, неужли вы, силы рока, тѣ же,
Чтò сторожать и двери неба?.. Вы,
Съ горящими мечами херувимы,—
Вы ангелы иль злые духи ада?..
Какъ это все могло случиться?... Но...
Я тутъ стою, скорбя и размышляя,
А между тѣмъ, нахальство злое тамъ
Побѣду торжествуетъ...

(*Входитъ выше и смотритъ за сцену*)

Бень-Юхаи

Черезъ него желаетъ прежде всѣхъ
Переступить... Придетъ пора, несчастный,
И для тебя—и ты споткнешься!.. Да,
Дерзаетъ онъ... Переступилъ... Агоста
Стремительно вскочилъ... Въ его глазахъ,
Сверкающихъ негодованьемъ, ужась...
Слова Юхаи вѣрно слышалъ онъ...
Поруганное платье онъ срываетъ
Съ себя долой... Толпа даетъ дорогу...
Въ смятенъ всѣ... Онъ бросился сюда...

О, страшный рокъ! И я, я могъ подумать,
Что шлють тебя на землю небеса!

Я В Л Е Н І Е VI.

Сантось, Эмбденъ, равнины входятъ въ смяте-
ніи; за ними **народъ**; потомъ **Уріель**.

С а н т о с ь .

Открыть скорѣй всѣ двери!

Э м б д е н ь .

Отпустите
Народъ домой! Здѣсь преступленье!...

В с ь .

Онъ

Кошунствуешь!

У р і е л ь .

Молчите! Всѣ молчите!

Я знаю васъ, всѣхъ знаю!.. Вотъ богачъ
Юхай! Да, вѣдь это ты, Юхай,
Меня толкнулъ ногой?

С и л ь в а .

Уріель,

Предъ волею судьбы склонитесь; кротко,
Безропотно переносите то,
Что рокъ вамъ шлетъ...

Уріель.

Вы докторъ Сильва!..

Сантосъ.

Если

Отрекся ты изъ-за Юдифи только,
То Господомъ наказанъ ты: она
Готова стать женою Бенъ-Иохаи...

Уріель.

Что ты сказалъ?

Сильва.

Акоста! Не пытайтесь
Изслѣдовать, *какъ* сила злой судьбы
Заставила отдать дитя на жертву;
Что свершено—нести осталось вамъ.

Уріель

(послѣ долгой, отчаянной борьбы, бросается на грудь Сильвы).

Для труповъ я убилъ себя, де-Сильва!
О, смертные, вы слишкомъ смертны!

Сантосъ.

Что жъ,

Окончишь ли ты, осквернитель храма,
Раскаянья обрядъ? Еще не все
Совершено.

У р і е л ь.

Еще не все? Внемлите жъ:
А все-таки вѣртится!

С и л ь в а (*въ сторону*).

Галилей!

Твои слова!

У р і е л ь.

Спадите груди камней
Съ моей груди! На волю мой языкъ!
Зспрянь, мой умъ, и, какъ Самсонъ предъ смертью,
Съ отчаяннымъ усильемъ разорви
Прзорныя оковы! Я разрушу
Мей рукой колонны ваши! Я—
Сѣпой скрипачъ, которому внезапно
Пчудилось, что онъ герой, поющій
По скорбь свою, чтобъ пѣснею своей
Зоставить васъ пуститься въ плясъ веселый!
З послѣдній разъ тряхнулъ я волосами
И вамъ кричу: все, чтѣ прочель я—ложь!

С а н т о с ь и вѣ остальныя.

Прочь, прочь его!

У р і е л ь.

Безумцы! Неужели
Вмъ кажется, что яркій солнца свѣтъ
Замите вы вотъ этими свѣчами?
Бвсмертными въ своемъ безумѣ вы

Сочли себя—вы, мошки, въ лѣтній вечеръ
Рожденныя на нѣсколько часовъ,
Чтобъ безъ слѣда пропасть въ пространствѣ вѣчнымъ!
Вы буквою сковать хотите духъ,
Предвѣчный Богъ у васъ въ оковахъ буквы;
Небесный мѣръ земному подчинить
Стремитесь вы тому земному міру,
Который вы и глазомъ обнимать
Едва-едва способны... Нѣтъ, довольно!
Мы требуемъ свободы отъ ярма!
Пусть символомъ всей вѣры будетъ разумъ—
И только онъ! А тамъ, гдѣ мы, идя
За правдою, терзаемся сомнѣньемъ—
Тамъ лучше намъ искать иныхъ боговъ,
Чѣмъ съ старыми богами не молиться,
А проклинать!

Сантось.

Ты думаешь, тобой
Освобожденъ мыслитель? Нѣтъ на волю
Здѣсь вырвался твой демонъ!

Уріель.

Демонъ мой!
Де-Сантось, да, мой демонъ! Вѣрю въ Бога
Я вашего—я вѣрую въ тебя,
Богъ Адонкай, Богъ, топчущій, какъ глину,
Своихъ враговъ, Богъ, дышщій огнемъ,
Богъ, мстительный до третьяго колѣна!
Моя душа такой же гнѣвный богъ—
И съ этихъ поръ служу я богу мести! (*Убѣгаетъ*)

Сильва.

Вотъ до чего дошло! О, разорвать
Я на себѣ готовъ мою одежду
И каяться, какъ грѣшникъ, въ томъ, что я
Участникъ былъ такого злодѣянья!..
Стражъ виноватъ, когда поруганъ храмъ,
Вина жреца, когда погибла вѣра!

Сантошь (раввинамъ).

Чтò дѣлать намъ, Акиба скажетъ. Завтра
Мы свидимся на свадьбѣ Бенъ-Юхאי!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

На виллѣ Манассе.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мужчины и дамы гуляютъ на эстрадѣ, въ глубинѣ сены. Слуги несутъ золотые кубки на серебряныхъ подносахъ.

Входятъ **Юхан** (въ платьѣ жениха), **Сильва** и нѣсколько гостей.

Юхан.

Привѣтъ мой вамъ! Сегодня, господа,
Здѣсь царствуетъ веселье! Съ нетерпѣньемъ
Предъ нашими дверями ждетъ оно,
Чтобъ поскорѣй склонилось въ волны моря
Медлительное солнце... Кубокъ полный,
Увѣнчанный цвѣтами, васъ, друзья,
Привѣтствуетъ! Кого томитъ забота—
Оставь ее на днѣ бокала; тотъ,
Кто одинокъ—забудься въ вихрѣ танца!
И знайте всѣ: что если кто изъ васъ
Уйдетъ домой, какъ только день потухнетъ,
Не захотѣвъ дожидаться, чтобъ взглянуть,

Иль поцѣлуй супруга зарумянить.
И красную невесту—я его
Завстливымъ признаю: этимъ явнымъ
Ско выкажетъ недружелюбный взглядъ
И мой триумфъ безмѣрнаго блаженства!

Сильва.

Быть кубками могли бы повременить:
Еще обрядъ священный не свершился.

Иоан.

С юскорѣй летите, поскорѣй,
Глущія минуты! Не свинцомъ ли
Вы часовыя стрѣлки, налились?..
Вот, вотъ она! Смотрите, Сильва, ввасъ
Плеяница! Что жъ, и теперь еще:
Вы будете безмолвны? Крикъ востооррга
Не ырвется изъ вашихъ устъ, когда
Где вы тамъ, которая затмила
Своей красой своихъ брильянтовъ (блблескъ)?

Сильва.

Кд: ужъ мнѣ! Вы такъ блаженствомъ вашимъ
Утоны, что и любой поэтъ
Ее воспѣтъ достойно не сумѣтъ!!

ЯВЛЕНІЕ П.

Новые гости. Пощтсомъ Юдифь, въ бѣломъ вѣничномъ платъѣ; сеѣ ведеть подь руку Манассе

Ио х а и.

Вы сердитесь,, де-Сильва! Но взгляните
Вы на нее: будь скорбь у ней въ душъ,
Могла ли бы она такой роскошный
Надѣть нарядъ?

Сильва.

Невѣста никогда
Сама не наряжкается; невѣсту
Другіе наряжаютъ..

Ю д и ф ь.

Мой привѣтъ
Вамъ, добрые друззья! (*къ Ио х а и*). Что жъ, докумет
Подписаны?

Ио х а и.

О, милая Юдифь,
Не будьте такъ жестоки, открывая,
Чѣмъ я купилъ блаженство...

Ю д и ф ь.

Мой отецъ,
Ты подтвердитъ торрржественно мнѣ должень,
Что чѣмъ ты ббылъ,, тѣмъ снова сталъ.

М а н а с с е.

Я в н о в ь

Манассе Вандерррраатень.

Ю д и ф ь.

Безусловно?

Все счастье минувшихъ дней къ тебѣ
Вернулось безраздѣльно?

М а н а с с е.

Успокойся,

Дитя мое!.. Послѣднимъ шагомъ жертвы
Святой твоей ты закрѣпила все,
Ты навсегда запечатлѣла счастье,
Котораго стыжусь я...

Ю д и ф ь.

Хорошо!

Теперь... идемъ *(дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и шатается)*.

М а н а с с е.

Дитя мое!

Г о х а н.

Вамъ дурно?

С и л ь в а.

Минуты двѣ покоя дайте ей...

Идите всѣ... Она придетъ со мною.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Юдифи и Сильвы).

С и л ь в а.

Сядь здѣсь, Юдифь; минуту отдохни...

Ю д и ф ь.

Не здѣсь! не здѣсь! Смотрите—на скамейкѣ
Усѣлся духъ... онъ блѣденъ, какъ мертвецъ...

С и л ь в а.

Дитя мое, ты бредишь!

Ю д и ф ь.

Нѣтъ, не призракъ,
Не призракъ онъ! Недвижимо стоитъ
Онъ предо мной...

С и л ь в а.

Нѣтъ, неподвиженъ только
Твой взглядъ!.. Юдифь! Сознаньемъ своего
Достоинства должна ты укрѣпиться,
И подвигомъ великимъ будь горда.

Ю д и ф ь.

Но, Сильва, вамъ случалось развѣ гордость
Встрѣчать въ слезахъ?

С и л ь в а.

О, да—когда она
Томилась нетерпѣньемъ... Успокойся,
Приди въ себя... Ты знаешь вѣдь о *немъ*?

Ю д и ф ь.

Я знаю все и ничего не знаю...

Сильва.

О, зачеркни страницу эту жизни
Твоей... О немъ извѣстій никакихъ
Ужъ нѣтъ два дня... Сперва отдохновенья
Искалъ онъ тамъ, гдѣ мать его лежитъ,
Но прогнанъ былъ съ кладбища сторожами.
Потомъ ходилъ къ сестрѣ своей Рахили,
Гдѣ маленькаго сына учить онъ
По гречески... И такъ, гонимый всюду
Проклятіемъ двойнымъ, блуждаетъ онъ,
И, какъ мудрецъ, конечно сознаетъ,
Что мщеньемъ онъ себя унижилъ...

Юдифь.

Мщеньемъ?..

О, еслибъ мнѣ увидѣть эту мечь,
Въ которой онъ поклялся—это мщенье,
Котораго такъ жадно у судьбы,
У случая, у демоновъ, у неба,
Я для себя прошу; да, для себя,
Зачѣмъ, что все, все, даже мщенье, сладко
Отъ милаго!

Сильва.

За что жъ онъ станетъ мстить?
За гордую кичливость Бенъ-Юхан
Богатствами? За ту святую жертву,
Что дочь отцу приносить? За три дня
Мучительной борьбы съ законнымъ долгомъ?..
О, какъ тебя я снова полюбилъ

За подвигъ твой, съ такою чистотою
одившійся изъ сердца твоего!
Спасти отца былъ *долгъ* твой, долгъ священный.
Я узнаю дитя моей сестры!..

Ю д и ф ь (*задумчиво*).

Скажите мнѣ... отецъ мой... много плакалъ,
Когда несли въ могилу мать мою?

С и л ь в а.

Оставь дитя! Чтò было—миновало.

Ю д и ф ь.

Нѣтъ, я хочу! Скажите—какъ потерю
Онъ перенесъ?..

С и л ь в а.

Твоя родная... ахъ!
Ей памятникъ воздвигнуть въ этомъ паркѣ...

Ю д и ф ь.

Подъ мраморной одеждою печаль
Замолкнула?.. Еще одно, де-Сильва.
Скажите мнѣ: мой братъ... когда была
Ребенкомъ я, онъ умеръ...

С и л ь в а.

Ну, довольно жъ!
Чтò вспоминать о прошломъ? Чѣмъ твой братъ
Былъ для отца,—начертано вонъ тамъ,
(*указываетъ въ садъ*)
На мраморномъ столбѣ.

Ю д и ф ь.

Прощайте, Сильва!

С и л ь в а.

Юдифь!.. Юдифь! ты поблѣднѣла вся...
Грудь судорожно сжалась... Что съ тобою?

(Кричитъ за сценою).

Воды! воды! скорѣй воды сюда!

О, Боже мой! Дитя мое?..

Ю д и ф ь.

Оставьте!

Ужъ все прошло...

С и л ь в а.

Намъ надо отложить

Вѣнчанье; у тебя не хватитъ силы!..

(Слуга вноситъ стаканъ воды на серебряномъ подносі).

Ю д и ф ь.

Поставь сюда.

(Слуга ставитъ стаканъ и уходитъ; она нѣсколько минутъ пристально смотритъ на принесенную воду).

Де-Сильва, руку мнѣ—

И къ алтарю невѣсту поведите. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Уріель, Барухъ Спиноза (у мальчика въ рукахъ нѣсколько цвѣтовъ).

Барухъ.

Ахъ, какъ давно я съ вами не входилъ
Въ прекрасный паркъ! Сегодня здѣсь, какъ видно,
Какое-то большое торжество! (*Идетъ срывать цвѣты*).

Уріель.

Она, она!.. Въ вѣнчалномъ платьѣ... Тѣмъ же
Священникамъ, что проклинали меня,
Она себя благословить позволитъ!..
Что, еслибы явился я туда
И осквернилъ алтарь прикосновеньемъ
Моей руки проклятой!.. На нее
Я не сержусь: она свершила то же,
Что сдѣлала я?.. Но *онъ*! На поединокъ
Его я звалъ; мою перчатку трусь
Не захотѣлъ поднять и съ секундантомъ
Моимъ прислалъ насмѣшливый отвѣтъ:
Вѣдь мы не португальскіе гидальго!

Барухъ (*возвращаясь съ цвѣтами*).

Мнѣ матушка сказала, что изъ мѣсть,
Которыя вы избѣгать рѣшились,
Васъ больше всѣхъ пугаетъ этотъ домъ
И въ немъ-то мы, смотрите, очутились!

Уріель (не слыша его).

Не португальскіе гидальго мы!
О, да, онъ правъ! Мы гнусные трусишки;
Покупщики людского мяса мы!
Червонцами набитые чурбаны!

Барухъ.

Послушайте! Когда съ самимъ собой,
Вотъ какъ теперь, вы говорите—вѣрно
Вы *думаете* то же?.. Такъ вдвоемъ
Давайте думать, дядя! Задавайте
Вопросы мнѣ... (*Улыбаясь*). Отвѣты у меня
Находятся чудесные. Вотъ только
Вопросами я бѣденъ. У другихъ—
Наоборотъ, я слышалъ...

Уріель.

О, *не думай,*

Дитя мое! Спи тихо, какъ цвѣтокъ,
Что въ красотѣ роскошной, безмятежно
Пркоится, заботясь мало, *кто*
Создалъ его! Пусть плаваетъ, какъ волны,
Твой гордый духъ въ открытомъ морѣ, дальше
Отъ берега, гдѣ вѣчно бы тебя
Вспросами терзали люди: кто ты?
Христіанинъ иль іудей? голландецъ
Иль португалецъ? къ королю лежитъ
Твоя душа иль къ всенародной власти?
Будь глухъ, дитя, къ такимъ вопросамъ; пусть
Отвѣтъ на нихъ въ груди твоей таится!

Барухъ.

Сюда идутъ. Могу я унести
Мои цвѣты для матушки въ подарокъ?

Уріель.

Брось лучше ихъ; завяли ужъ они
Въ твоей рукѣ... Теперь пора, мой милый;
Иди домой.

Барухъ.

Вы развѣ не со мной?

Уріель.

Ужъ сумерки... Иди, иди, мой Барухъ,
И кланяйся домашнимъ.

Барухъ.

Значить, вы
Останетесь на праздникъ?

Уріель.

Быть можетъ!..
Ну, Богъ съ тобой! Я скоро къ вамъ приду.

Барухъ.

Цвѣты мои завяли, я ихъ брошу...
А знаете, какъ различаю я
Вонъ тѣ цвѣты, что на стеблѣ красиво
Качаются, и эти вотъ, уже

Увядшіе? Тѣ—мысли; эти—только
Понятія. Тамъ думаетъ Творецъ,
Здѣсь понимаютъ люди. Такъ какъ все
Отличье между ними—яркость красокъ,
И аромать, и сила бытія,
То и Творца я называю жизнью
И бытіемъ. Безъ бытія, безъ жизни,
Увядшіе цвѣты ужъ не цвѣты;
За ними остается только цѣнность
Понятія; затѣмъ они—ничто
И умирать съ покойнымъ сердцемъ могутъ.

(Выпускаетъ цветы изъ рукъ).

Да смѣйтесь же. Вѣдь каждый разъ, какъ я
Пускаюсь въ разсужденья, вы смѣтаетесь!
Что жъ нынче вы такой серьезный?.. Ну,
Пора... А вы скорѣе; почитаемъ
По гречески *(уходитъ)*.

Уріель.

(Смотря ему въ слѣдъ и на цветы).

Затѣмъ они—ничто

И умирать съ спокойнымъ сердцемъ могутъ!..
Нѣтъ, умное дитя, нѣтъ, ты не правъ...
И изъ такихъ цвѣтовъ я часто, часто
Пилъ ядъ и смерть—смерть, счетовъ всѣхъ конецъ,
Всѣхъ цифръ итогъ послѣдній... Ну, Іохаи,
Людскихъ сердецъ счастливый покушникъ!

(Вынимаетъ пистолетъ).

Гдѣ вексель твой? Сегодня срокъ уплаты!

*(Прицѣливается въ ту сторону, гдѣ происходитъ обрядъ
огничанія).*

Не двигайся, какъ былъ недвижимъ я,
Когда лежалъ, пятой твоей давимый!
Стой тихо, Крезъ! еще одно мгновенье,
Единое бiенье сердца... Га!.. (*Опускаетъ пистолетъ*).
Обмѣнены ихъ кольца!.. Поздно!.. Мщенье
Мнѣ болѣе не нужно... О, не думай,
Не думай никогда! Твоя рука
Опустится въ безсиліи, хотъ духомъ
Окрѣпнешь ты... Ахъ, да, и я—цвѣтокъ
Увянувшій; осталась только цѣнность
Понятія; затѣмъ ужъ я—ничто
И умереть могу съ спокойнымъ сердцемъ! (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Манассе, Сильва, Юдифь, Іохаи, Сантось и гости. Потомъ Уріель.

Ю д и ф ь.

Позвольте мнѣ еще минутку здѣсь
Побыть одной... Я новизною слишкомъ
Потрясена... Придти въ себя мнѣ надо...
Пожалуйста идите... Я приду...

І о х а и.

Я первому жены моей желанью
Противиться не смѣю, хотъ оно
Прискорбно мнѣ... Пожалуйте за мной,
Почтенные друзья! Уединенье,
Которое любила такъ всегда

Моя Юдифь, имѣть также право
Теперь ее поздравить прежде всѣхъ. (*Уходитъ съ го-
стями*).

Ю д и ф ь

(*оглядывается, вынимаетъ изъ кармана порошокъ и всыпаетъ
его въ стаканъ съ водою*).

Свершается!.. Вѣдь ты сказалъ, де-Сильва,
Что мой отецъ угѣшится!.. (*выливаетъ ядъ*).

Ему

Мой памятникъ въ саду меня замѣнитъ!..

У р і е л ь (*входитъ*).

Вы здѣсь, Юдифь?.. Я свидѣться хотѣлъ
Въ послѣдній разъ съ женою Бенъ-Юхаи.

Ю д и ф ь (*опускается на скамью*).

Да, вотъ она!

У р і е л ь.

Когда бь теперь уфхать

Я захотѣлъ, конечно вы меня
Не стали бы удерживать, какъ прежде!
Юдифь, Юдифь! Передъ тобой твой другъ,
Поруганный, растоптанный, разбитый,
Сожженный въ прахъ!.. Гдѣ жь гордая твоя
Энергія любви, гдѣ эта сила,
Чтò дикій пылъ зажгла въ моей душѣ,
Къ страстямъ любви спокойно равнодушной?
Теперь скажи, чтò дѣлать намъ?

Ю д и ф ь.

Прости,
Мойі Уріель, что наши муки смѣю
Я срравнивать... Кого изъ насъ двоихъ
Считаешь ты несчастнѣе?

У р і е л ь.

Не даромъ
Была страшна мнѣ женская любовь!..
Ахъ, тѣ слова, что здѣсь, на этомъ мѣстѣ,
Ты крикнула раввину, все еще
Звуччатъ въ ушахъ!.. Какая перемѣна
Жестокая!

Ю д и ф ь.

Ты мнѣ прощаешь, другъ?

У р і е л ь.

Проостить? Тебѣ? Ты поступишь иначе
И вне могла... О отчего жъ не могъ
Я дѣйствовать иначе? Ахъ, Юдифь!
Поймешь ли ты, что значить ненавидѣть
И презирать себя же самого!
Мученіе проклятое!

Ю д и ф ь.

Избавься

Отъ этого мученія! Ступай
Въ открытый міръ съ энергіею вѣры
И истину свою, борецъ-герой,
Провозглашай повсюду!

У р і е л ь .

Поздно, поздно!

Кого теперь я въ ней увѣрю?.. Нѣтъ!
Кто съ первыхъ дней сошелъ съ прямой дороги,
Тотъ пусть потомъ изъ камня хлѣбъ творить—
Ему никто не станетъ вѣрить. Силу
Святого убѣжденья навсегда
Теряетъ тотъ, кто *разъ* отъ убѣжденья
Отрекся.

Ю д и ф ь .

Нѣтъ! Нѣтъ, ты не правъ!.. Иди,
Лой Уріель! Спѣши къ побѣдамъ духа,
Спѣши на бой—свободный, вѣрный бой!
Зудь мужественъ, и крѣпокъ, и безстрашенъ!..
Сюда идутъ... Прости...

У р і е л ь .

Ты такъ блѣдна!..

Ю д и ф ь .

Прощай, мой другъ!

У р і е л ь .

Юдифъ! Но что съ тобою?..

Ю д и ф ь .

Иди, иди! Не нужно на меня
Тебѣ смотрѣть!.. Нѣтъ, только слышать будешь
Ты обо мнѣ...

У р і е л ь .

Стаканъ... и эта блѣдность
Смертельная... Юдифъ! Какая мысль
Ужасная! Кровь застываетъ въ жилахъ!..

ЯВЛЕНИЕ V.

Входят **Манассе**, **Сильва** и нѣсколько гостей; потомъ **Юхачи**, **Сантосъ** и остальные гости.

Гдѣ жь дочь моя?
Манассе.

Сильва.

Акоста!

Уриель.

На свою

Шлемянницу, де-Сильва, посмотри!

Манассе.

Дитя мое!.. Что сдѣлалось съ тобой?
Тебѣ...

Юдифь.

Легко, легко, отецъ мой добрый!

Манассе.

О, Господи! да что жь случилось здѣсь?..
Ты холодна...

Сильва.

Какъ мраморъ вашъ .. О, бѣдныи,
Онищій миллионеръ! Твое дитя...

Манассе.

Кончается!

У р і е л ь (*въ сторону*).

Вотъ, вотъ онъ, смертоносный
Ядъ изъ моихъ увянувшихъ цвѣтовъ!

І о х а и (*входя*).

Наъ ужинъ ждеть, достойнѣйшіе гости!
Давно пора! Юдифь!.. Что это?.. О!..

У р і е л ь.

Смотри сюда, смотри, торгошъ надменный,
За векселя купившій сердце, и—
И ничего по нимъ не получившій!
Что жъ! Подойди, поближе подойди
И позорь меня своей ногою
Втрично, здѣсь, предъ этимъ алтаремъ!

(*Садится у ногъ Юдифи*).

І о х а и (*въ сторону*).

Кушль я трупъ!

М а н а с с е.

Спасенье, Сильва!

С и л ь в а.

Поздно!

Согчаается мое искусство здѣсь.

Ю д и ф ь (*прерывающимся голосомъ*)

Моі Уріель!.. И ты, ты могъ подумать,
Что та душа... которую такъ нѣжно...

Ты развивалъ... не знала, какъ платить
(Своей долгъ.. любви? Отецъ мой... видѣшь, мною.
(Спасенъ... спасенъ... но вотъ какой цѣной!

(Снимаетъ съ головы брачный платокъ).

(О), мѣръ иной въ своихъ дѣвичьихъ грезахъ
Я видѣла... и жизнь была полна
Иныхъ надеждъ... плѣнительно прекрасныхъ...
Сбылась одна, короткая весна...
На мигъ одинъ цвѣточнымъ ароматомъ
Повѣяло... но такъ хорошъ онъ былъ,
Роскошенъ такъ... что и теперь... въ минуту
Предсмертную... ошеломляетъ онъ
Блаженнымъ упоеніемъ... Прощайте!..
Прощай, отецъ!.. И жертвѣ той любви,
Что далеко сильнѣй любви дочерней,
Прости... А ты, мой драгоценный, этотъ
Вѣнокъ возьми... онъ твой—и только твой!..

(Протягиваетъ вѣнокъ Уріелю и умираетъ).

У р і е л ь .

*(плача, цѣлуетъ вѣнокъ, потомъ кладетъ его въ руку Юафи
и встаетъ).*

Манассе! Вы любитель монументовъ.
Художника рука доставитъ вамъ
И саркофагъ, и утѣшенъ въ горѣ,
Жогда дитя несчастное свое
Вы схоронить, быть можетъ, захотите
Вонъ тамъ, въ тѣни плакучихъ ивъ... А я,
Какъ милости, прошу у васъ: позвольте

Вблизи ея и мнѣ улечься... Я
Ни межъ христьянъ, ни посреди евреевъ
Не отыщу себѣ могилы... Я
Изъ тѣхъ людей, что на краю дороги
Кончаютъ жизнь... Быть можетъ, часъ придетъ—
И кто нибудь, взглянувъ на бѣдный камень,
Заброшенный, забытый, скажетъ: „Здѣсь
Улеся прахъ страдальца-пилигрима;
Онъ въ истины обѣтованный край
Шель, долго шель, и умеръ, не достигнувъ.
Но гаснущимъ глазамъ его блеснуль
Въ предсмертнѣй часъ отрадный лучъ—и это
Была любовь“ (*указывая на Юдифь*). Смотрите, что могла
Свершить любовь!.. Теперь я оставляю
Вамъ этотъ мѣръ сомнѣнія и лжи,
И дикаго безумья, и гоненій!
Живите въ немъ, камешья громоздя
На сердце тѣхъ, которые стремятся,
Подобно мнѣ, увидѣть Божій ликъ
И, не ища предстательства раввиновъ,
Ему въ глаза смотрѣть дерзають прямо!
Мой камень я цестъ дольше не могу.
Придетъ пора—засвѣтитъ ярче солнце,
И часъ пробьетъ, когда на языкъ
Не Греціи, не Рима, не евреевъ,—
Нѣтъ, истины и духа языкъ,
Заговорятъ: „Мѣръ не давалъ въ то время
Для дѣлъ такихъ простора; воздухъ былъ
Для пламени такого слишкомъ душень —
И этотъ мѣръ оставилъ онъ, сознавъ,
Что долге не могъ въ немъ оставаться!“

Прощайте же! Я вами побѣжденъ.
Но знаете ль, гдѣ водрузится знамя
Побѣдное? Смотрите—тамъ, въ тѣни
Плакучихъ ивъ!.. Мой геній, ты за нею
Послѣдуешь! Вы, вы останьтесь здѣсь;
Издалека я укажу вамъ мѣсто,
Гдѣ вы себѣ побѣду обрѣли,
А я нашель успокоенье духа!
(Уходитъ; черезъ минуту за сценой раздается выстрѣлъ).

Сантосъ.

За вѣрою побѣда! Пали здѣсь
Двѣ жертвы...

Сильва.

О, не нарушайте, Сантосъ,
Торжественности страшной сихъ минутъ!
Въ двухъ, павшихъ здѣсь, себя явила вѣра,
Нашъ мѣръ земной презрѣвшая!.. Не намъ
Быть ихъ судьей, затѣмъ, что ихъ убійцы—
Мы, только мы!.. Ступайте же скорѣй
Провозглашать: „любовь! пощада! кротость!“
О вѣрѣ вы толкуете; но что
Есть истинная вѣра?... Ахъ, теряютъ
Старинныя святыни прежній блескъ!
Увѣруйте, во что хотите вѣрить,
Но искренно и чисто!.. Побѣждаетъ
Не то, равнинъ, *что* носимъ мы въ душѣ,
Но только то, *какъ* это въ ней мы носимъ!

SPECIAL 87-13
32657

NOT FOR LENDING

Ц. 50 к.

Южнорусскій магазинъ С. Скирмунга

„ТРУДЪ“.

С.-Петербургъ, Невскій 60.

*

Москва, Тверская. 38.